

Артём Март

ЛИОФІЕР

Назад в СССР

Артём Март

Шофёр. Назад в СССР

«Автор»

2023

Март А.

Шофёр. Назад в СССР / А. Март — «Автор», 2023

Решил я в старости вернуться на родную Кубань. Пенсия, домик, пасека. Ехал-ехал, и не доехал. Автокатастрофа, смерть и... 1980 год? Я снова молодой шофер в колхозе? Вокруг поля, станицы, хутора, а на носу уборка урожая. Союз во всей красе! Сказка! А главное, в моей семье еще не случилась беда, и я смогу ее предотвратить. Но сначала дотяну до гаража свой сломанный "Газон". Эй! Товарищ! Возьми на буксир! Э?! Ты куда прешь?! А ну стой!

© Март А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артём Март Шофёр. Назад в СССР

Глава 1

*Где-то под станцией Красная
2023 год. Россия*

– Известное дело, – вздохнул молодой худощавый паренёк и убрал соломенные волосы со вспотевшего лба. Уставился в окошко маршрутки. – Суды в таких случаях всегда на стороне женщин.

– Это кто же тебе такое сказал? – хмыкнул я и проследил за его взглядом.

Там, за грязноватым стеклом окошка, бежало что-то родное: бесконечные зеленые поля, лесополосы, а вот другое поле, залитое золотом. Это зреет подсолнечник. Медленно следит он за низко висящим на синем небе солнцем.

Эх, в начале осени уборка. Вновь потянутся к Армавирскому масложиркомбинату фуры, груженные семчкой. Работа шофёром – одно из самых моих ярких воспоминаний о здешних местах. О станции Красной, в которой я родился.

– Игорь Семеныч, – повторил парень. – Слышите?

– Ах да, – я проморгался. – Да что-то задумался.

– Так, а что там с разводом? Бывшая-то, – продолжал он. – Собирается детей отбирать. И алименты. А суд что, может не присудить ей сыновей-то?

– Зависит от обстоятельства, – я пожал плечами. – Если решишь за детей судиться, то будут решать, с кем им лучше живется. А там уже и органы опеки и экспертизы...

В общем, повёл я очередную юридическую консультацию. Бесплатную. Дурацкая привычка, но ничего с собой поделат не могу. Как только проникся человеческими проблемами – не могу не помочь.

Сказывается практика в юридической консультации, еще до развала страны, раз с милицией не получилось. Тогда права советских граждан значили больше денежных бумажек. И ни мясорубка девяностых, ни двухтысячные, когда жизнь стала проще, не смогли меня поменять. Сложно мне дается все это... предпринимательство, особенно если на той стороны купюры человеческая судьба.

Вот в молодости было все просто и понятно: вот баранка, вот рычаг с педалями. Вон кузов, за спиной. Грузи это, вези туда. Золотое было время. Из проблем только: где б выпить и чем бы закусить. Ну еще папирску покрепче.

– Спасибо, Игорь Семёныч, – вздохнул парень. – Не думал, что по дороге в Красную встречу юриста. А тут целая консультация!

– Пожалуйста, – я улыбнулся.

Дорога в Красную... Уж сколько раз я померил её километрам туда и обратно в своё время...

– Опа... все еще стоит, – тихо сказал я, когда за окном, почти у самой обочины, что тянулась вдоль посадки, показался могучий тополь.

Ох и спас же он нас с Боевым, когда коробка нашего старенького газона дала клина и буксир пришлось ждать весь жаркий день до вечера. Спрятал от палящего солнца.

– А? Что? – не понял парень.

– Да так. «Мысли вслух», — сказал я, прогоняя вспышку воспоминания из своей головы.

В последней вечерней маршрутке, следовавшей из Армавира в станцию Красную, людей было мало: какие-то девочки студентки, ехавшие домой на выходные; молодая мамаша, пытающаяся успокоить непоседливых детишек, чтобы те уселись свои места; молодая блондинка лет тридцати сидевшая на соседнем ряду. Ну и мы с Саней, парнем не старше двадцати пяти лет.

Белая кожа блондинки словно бы светилась внутренним светом. Золотые волосы волнами струились по плечам, а белую блузку наполняла пышная грудь. Ох... Был бы я лет на двадцать пять моложе...

– Ну! Лёшка! Слезай давай! – вдруг строго сказала молодая мамаша, когда белокурый мальчишка забрался на сидение с ногами и посмотрел над спинкой на меня. Это оторвало меня от любования блондинкой.

Потом мы с Саней помолчали. От знакомых, таких родных мест за окном, в голове побежали старинные картинки, будто бы из прошлой жизни. Почему-то я улыбнулся своим мыслям. Армия и дембель, большая деревенская семья и родственники, колхозный гараж и любимая пивнушка в центре станицы, горячие дни уборки и столь же горячие вечера-дискотеки в доме культуры.

– Так, а если она судиться будет, – продолжил Саня. – Это ж придется нанимать юриста?

– Ну, желательно бы, – я улыбнулся. – А то простой гражданин по неопытности, обычно в присутствии судьи проглатывает язык. А адвокатский заточен так, – я хохотнул. – Что проглотишь и порежешься.

– Так, может, вы это... – он потянул носом. – Возьметесь? Вы ж из города? Поможете мне с женой судиться?

– Нет, не возьмусь, – сказал я холоднее. – Не работаю я больше. Хватит с меня. Пора на пенсию.

– Так, вы же нестарый, – оценивающе окинул меня взглядом Саня и недоверчиво ухмыльнулся.

Да уж. Нестарый. Уж шестой десяток разменял. И да, пожалуй, с генами мне повезло. Выгляжу неплохо для своего возраста. А вот поясница уже подводит. Да и моторчик барахлит. Долбит давление. В моем возрасте невозмутимое хладнокровие юриста обеспечивается двумя десятками таблеток ежедневно.

– Да не. Хватит с меня, – добродушно продолжил я. – С госпожой юриспруденцией я уже наигрался. А теперь хочу поиграться с матушкой землей. Пасеку, может, заведу. Дом там, в Красной, родительский остался.

Когда за окном появился знакомый пейзаж, и дорога взобралась на невысокую возвышенность, я глянул вперед, сквозь лобовое. Там, справа, изгибалась густая лесополоса, а слева виднелись цветастые, словно игрушечные домики. Это была она. Станица Красная.

Я с теплотой посмотрел на такой родной пейзаж: стоящее в низине селение, лесистые холмы, что развернулись вдали, а на них огромные тени облаков, бегущих по небу.

– Давно не бывали у нас? – спросил Саня, видимо, заметив мой полный теплоты к этим местам взгляд.

– Ну, лет так уж дцать, – отшутился я.

Мы промчали незнакомую мне новомодную заправку, и маршрутка стала медленно сбрасывать скорость, подъезжая к перекрестку. У обочины стояла нелепая стела с надписью: “Красное Сельское поселение. Станица Красная”.

Заморгал поворотник на боковом зеркале заднего вида. Водитель медленно пошел в поворот. Внезапно краем глаза, я увидел, как что-то белое и большое блеснуло где-то на периферии зрения.

Спустя мгновение, в натренированном мозге промчалась краткая мысль понимания.

– Держитесь! – едва успел выкрикнуть я.

А потом грохнуло так, что все повалились с сидений. Я еле удержался, когда Саня вывалился в пространство между рядами, а меня отбросило от окна на его место. Подлокотник больно врезался вбок.

Это был здоровенный белый внедорожник. Он шёл на полной скорости по нашей полосе и не пропустил сворачивающую маршрутку, въехал прямо в кабину со стороны водителя.

После страшного грохота затрещало. Посыпалось стекло. Я почувствовал, как маршрутка кренится на правый бок. Только когда стало ясно, что мы перевернёмся, в салоне раздались первые крики шокированных людей. Над всем этим панически взвился детский плач.

С хрустом и грохотом металла машина упала набок. Бедный Санёк грохнулся в соседний ряд кресел прямо на перепуганную блондинку. Я тоже выпал и провалился между соседних сидений. В спине прострелило и сильно отдало в ногу и диафрагму. Я почувствовал, как тяжело стало дышать.

– Без паники, – поднялся я с трудом. – Все живы? Кто-нибудь! Уймите детей!

Девочки, что сидели спереди, у водительского, лежали теперь на прижатой землей двери, но медленно шевелились. Кажется, целы.

Рыдающая мать, держала на себе рыдающих же детей. Все они упали и поранились битым стеклом.

Саню, лежавшего без сознания, пыталась стащить с себя плачущая блондинка.

Первым делом я попытался высвободить её из-под тела парня, а потом привести его в чувство. Парень был жив, однако его светлые волосы сбились в сосульки от крови. Он потерял сознание. Пришлось устроить его между кресел.

Это давалось мне тяжело. Каждое движение отстреливалось болью в изношенной еще во времена работы шофером спине.

– Всем без паники! – кричал я. – Сейчас выберемся! Нужно найти выход!

Преодолевая сидения, я пошел по растрескавшимся окнам к заднему запасному входу. Принялся дергать ручку. Ни с первого, ни со второго, ни даже с третьего раза не вышло. Дверь почему-то заклинило.

– Чувствуете?! – внезапно заорала одна из студенток. – Дым! Горим!

И правда, со стороны искореженной кабины началось задымление. Что-то горело снаружи, но дым поступал в салон. Не успел я оглянуться, как внутри стало серым-серо, а от вони и гари засвербело в носу.

Мне было и так трудно дышать от боли в спине, а тут еще и это. Но самое страшное, что маршрутка может сгореть, а вместе с ней и мы... заживо...

– Все ко мне! Подальше от кабины! – заорал я, а потом закашлялся.

Пробравшись к широкому окну, над которым было большими красными буквами написано “ЗАПАСНЫЙ ВЫХОД”, я принялся искать мелкую рукоятку аварийного шнура.

Становилось уже настолько дымно, что не то, что дышать, видеть было почти невозможно.

– Быстрее! Замотайте чем-нибудь рот и нос! – крикнул я, а сам оторвал рукав рубашки, принялся перематывать лицо.

В салоне послышался треск ткани. Кто-то явно последовал моему приказу.

Я наконец-то нащупал рукоятку шнура и напрягся. Спина жутко болела, когда поднимал руки. А опускать их сейчас было совсем не время. Я вообще не привык опускать рук, что бы ни случилось.

Тогда я дернул изо всех сил. Шнур поддался и затрещал, высвобождая окно по контуру.

– А теперь, – задыхаясь, прошипел я сквозь зубы. – Надо выдавить.

Упершись руками, я стал давить на стекло, но быстро понял, что оно отходит лишь с одной стороны. Видимо, не хватало усилия. Когда я надавил с другой, эффекта не было. Я стиснул зубы.

– Прошу! На помощь! Помогите! – орали женщины в автобусе.

Я не обращал внимания ни на их панические крики, ни на жуткую боль в спине и ноге, ни на чудовищную усталость, ни на сдавленные гарью лёгкие. Даже отбросил любые мысли о том, как же сильно кружилась голова. Просто заставил себя отбросить их.

Наступив на торец спинки одного из сидений, я с трудом поднялся и стал еще и на второе. Уперся в стекло шеей, плечами и руками, надавил что есть сил. Послышался характерный резиновый хруст. А потом дым хлынул в щель, увлекая собиравшийся было проникнуть сюда чистый воздух.

Я сделал последний рывок, и стекло поддалось. Я сбросил его, со своих плеч, словно Атлант небо. Окно с хрустом упало куда-то на асфальт.

– Давайте, – я закашлялся, – по одному! Сначала детей!

Мамаша с детками и студентки принялись пробираться ко мне. Я видел их силуэты в немного разжижившемся дыме пожара. Когда мне передали первого ревущего ребёнка, я тут же посадил его снаружи, на кузов авто. То же самое сделал и со вторым.

С трудом выпихнул наружу их маму, которая тут же принялась успокаивать обезумевших от произошедшего детей.

Вес каждого, кого я высаживал, жуткой болью отбивался в спине. Мне казалось, что внутри поясницы засел острый нож, что режет мою плоть.

– Он без сознания! Не приходит в себя! – закричала одна из студенток, указывая мне почти под ноги, на Александра.

Я бросился к нему. Блондинка в рваной окровавленной блузке, вместе со студентками, помогли мне вытолкать обмякшего парня наружу.

– Дамы вперед! – я посмотрел слезящимися глазами на блондинку.

– А вы?!

– Я следом! Ну! Пошла!

Блондинка полезла вверх, и я, напрягшись, подсадил ее. Казалось, легкие уже горят от дыма. В пояснице был теперь не просто нож. Он будто перекатывался между двумя валиками боли.

Внезапно со стороны кабины вспыхнуло. В сером молоке дыма замерцало красно-желтое свечение. Я с холодным принятием понял, что огонь охватил уже всю кабину и проник в салон.

– Горим! – крикнула студентка и завизжала. Сквозь дымовую завесу я видел, как в ее наполненных слезами глазах блеснул настоящий ужас.

– Все будет хорошо, – ровным уверенным тоном сказал я. – Давай наверх!

– Я не дотянусь!

– Подсажу! Ну!

Я сложил ладони ступенькой, и девочка тут же ступила на них. Это отразилось в спине такой болью, что ноги мои чуть не подкосились. Тем не менее я выдержал. Выдержал я и вторую девочку-студентку, которая полезла за первой.

– Руку! Давайте руку! – протянул мне ладонь какой-то мужчина.

Когда пламя подступило так, что стало уже горячо стоять, я протянул ему руку в ответ. Наши руки сцепились, и я понял, что что-то не так. Ладонь заскользила.

– У вас в чем-то... рука! – закричал он. – Скользит!

Видимо, порезал руки битым стеклом, и даже не заметил этого...

Я ступил на торец сидения и попытался подняться.

Нет. Так просто, без борьбы, я тут не останусь. Поживет еще Игорь Семеныч Землицын... Потопчет землю своей пасеки...

С этими мыслями я забрался на сидение и... спину предательски прострелило с новой силой. Я почувствовал, как отнимается нога, и я падаю назад.

Удара я не почувствовал. Только хруст стекла смешался с гулом пламени. Здесь было жарко. Невероятно жарко, а глаза мгновенно защищало так, что я больше ничего не видел. Стало не продохнуть. Я не понимал в чем дело: то ли дыхание сперло от удара в спину, то ли густой дым проник в легкие. С холодной головой я понимал, что больше не могу дышать, что сознание медленно ускользает от меня.

– Я за ним! – прозвучал приглушенный мужской голос. Создавалось впечатление, будто я слушаю его из-под воды.

– Куда ты?! Сдурел?! – кричал еще кто-то. – Внутри огонь! Сгоришь! Сделать ничего нельзя! Пожар простым огнетушителем не потушить...

Последние слова я слышал так, будто они доносились совсем издали. Из другой жизни. А потом стало темно. И жарко мне больше не было.

*Где-то под станцией Красная
1980 год. СССР*

Мне было жарко. В глаза бил яркий свет.

– Игорь! – почувствовал я, как кто-то трясет меня за плечо, – Вставай, молодой! Ты че на ровном месте падаешь?! Чай не пьяный!

Звал меня мужской голос. Старческий и прокуренный, он тянул букву г на кубанский манер.

– Игорь!

Я поморщился, потом открыл глаза. Синее небо. Солнце стояло высоко и сильно слепило. Хотелось пить, а лицо горело, обожженное солнечными лучами. В следующее мгновение я тут же вскочил.

Мужчина, что разбудил меня, удивлённо отпрянул. При этом что-то очень тихо звякнуло.

– Ты че, молодой? – прохрипел он. – То в обморок ни с того ни с сего, то, как ужаленный скачешь!

Пару мгновений мне потребовалось, чтобы проморгаться. Потом я смог сфокусировать зрение.

Первым делом я увидел его: морщинистое обветренное лицо, крупный нос и маленькие внимательные и очень живые глаза. Во рту мятая самокрутка. На покатых плечах висел старый пиджак. У его левого лацкана позвякивали ордена.

Боевой удивленно округлил глаза, протер мятой фуражкой вспотевшее лицо.

– Боевой, – удивленно проговорил я, заглядывая ему в глаза.

– А кто ж еще? Или ты Брежнева привык экспедитором возить?

Я недоуменно посмотрел на него. Что за черт?! Это ж Боевой! Экспедитор наш, из колхоза! Вместе мы все восьмидесятые трудились! Уж сколько я рейсов с ним сделал! Сколько командировок прошли мы вместе: и Краснодар, и Ростов, и Волгоград. Да даже Челябинск! Всюду он со мной выписывал грузы и товары для нашего колхоза. И вот он! Живой! Говорящий!

Судорожно я принялся ощупывать своё тело, осмотрел руки. Ощущения были странными. Под ладонями жилистые мышцы. Перед глазами крепкие руки, огрубевшие от мозолей.

Я мгновенно вскочил на ноги. Быстро, по-молодецки. В теле была такая лёгкость, что сложно было поверить, будто оно принадлежит мне.

– Да чего с тобой такое, Игорь? – Боевой тяжело, опершись руками о колено, встал. – Чё, солнечный удар поймал?

Я повел взглядом вокруг. Асфальтированная дорога бежала по пригорку. За моей спиной, как бы в отдалении от основной посадки, стоял высокий, стройный тополь. У обочины же покоился старенький самосвал ГАЗ-52. Голубоватая краска его белоносой кабины померкла, а зеленоватые борта кузова кое-где подернулись ржавчиной.

Да что это произошло? Последнее, что я помню – это авария. Дым и пламя. Жуткая боль в спине и тяжесть пожилого тела. Теперь, на контрасте эта легкость, которую я чувствовал, сейчас ощущалась как что-то волшебное. Она была такой, что, казалось, если захочу, могу свернуть горы.

Так это что? Я умер? Умер и попал... куда?

– Ты, это, – вкрадчиво посмотрел на меня Боевой, – оклемался? Че эт с тобой было-то? На тебе, и в обморок!

– Какой сейчас год? – спросил я Боевого, этого призрака из прошлого, очень живым и непривычным молодым голосом. Сам удивился, как прозвучал мой голос.

– Я, вообще-то, уже неделю ни капли в рот не брал, – обиженно посмотрел на меня Боевой. – Что за глупые намеки?

– Да какие намеки? – отмахнулся я. – Год-то какой?

Боевой недоверчиво скривил обветренные губы, помолчал пару мгновений и проговорил:

– Девятое июля тысяча девятьсот восьмидесятого. Вот видишь! Помню! В числах не путаюсь. Да трезвый я! Трезвый! Алька бы меня на работу не пустила с перегаром!

– Это очень хорошо, – словно одурманенный проговорил я, – что не пустила бы! Широко улыбнувшись, я метнулся вверх по насыпи, к дороге.

Выскочил к машине и одним махом запрыгнул на ступеньку. Заглянул в зеркало заднего вида. Оттуда на меня посмотрел загорелый молодой мужчина с широкой улыбкой и копной растрепанных светло-русых волос на голове. В его голубых живых глазах горели веселые искорки.

Искорки, о которых мне говорили все девчонки в станице, что заглядывались на меня. Я растерял эти искорки по ходу жизни, а теперь вот они, снова весело пляшут на голубых радужках.

На меня смотрел... Молодой я! Совсем такой, как на старых фотографиях! Мне давно уже стало казаться, что я и забыл, как выглядел тогда, в молодости! Но сейчас, когда мое собственное молодое лицо блестело белозубой улыбкой в зеркале, я почувствовал, будто всегда был таким!

Так. Боевой сказал восьмидесятый год. Это значит... Мне двадцать лет! Только-только из армии и за руль!

Случайно мой взгляд упал в кабину, на сидение. Там лежала свернутой газета. Не раздумывая, я дернул дверь и бросился внутрь. Схватил номер, все еще немного пахнувший типографской краской.

– Свежая, – прошептал я себе под нос, – ни год, ни два. Даже не месяц!

Когда я развернул лицо газеты, прочитал вслух:

– Московский комсомолец Номер сто пятьдесят три. Шестое июля восьмидесятый год... Цена две копейки... Быть того не может...

С первой страницы, чей уголок был оторван и, видимо, пущен Боевым на самокрутки, на меня смотрели улыбающиеся мужчины и женщины.

– Девиз, – начал читать я, – ударный труд. В студенческих отрядах страны разворачивается социалистическое соревнование... Свежая! – Не дочитав, я обернулся к Боевому, – Свежая газета!

– Да какая ж она свежая?! – Удивился Боевой, пыхча поднимаясь на дорожную насыпь, – От шестого числа ж. Мне ее Федотыч на самокрутки отдал.

– На самокрутки... – протянул я задумчиво, но весело, – здесь курят самокрутки!

А потом бросил газету обратно и соскочил с подножки.

– Игорь, – закричал мне вслед Боевой, – тебе мож плохо? Мож голову от солнцу-то прихватило?

Постепенно понимая, что происходит, я обежал кузов самосвала сзади, бросил взгляд на дорогу.

Трасса Армавир – Отрадная, была немного уже, чем буквально... буквально мгновение назад, когда я ехал к Красной на маршрутке. Узкая, и никакой разметки. Эта дорога – единственная жила в эти времена, соединяющая город Армавир с Красным сельским поселением.

– Я умер, что ли? Или все это, вся моя жизнь оказалась дурным сном под этим тополем?

Я глянул на могучее дерево, что тянулось к небу. В его зеленой листве шумел ветер.

– Ты что распрыгался, как кот молодой? Чай не март! – подошел Боевой.

– И не январь, – весело сказал я. – Что стоим-то? И куда едем?

– Ты что, молодой, – удивился он, – память растерял? А точно не пил, пока я не вижу? Да вроде, – он сделал вид, что всматривается мне в глаза, – вроде трезвый. Альку, вон, прошел, с ее стаканым медосмотром, – рассмеялся Боевой.

– Да нет. Нормально все, – я отмахнулся, – что-то припекло и головой, видать, ударился.

– Головой, значить, – скривил он губы, – ну ладно. А сейчас как? Болит голова?

– Не болит, Боевой, – улыбнулся я, – не переживай ты.

– Хорошо, что не болит, – облегченно сказал старик, – а ехали мы в Армавир, в шарашку одну. Там запчасти надо выписать.

Я задумался. Похлопал по нагрудному карману рубашки и вынул оттуда свернутую желтоватую бумажку. Развернул. В путевом листе и правда значился пункт назначения: город Армавир, улица Розы Люксембург двести тринадцать.

– А списки запчастей все у меня, – Боевой тоже похлопал себя по карману пиджака, – вот только никуда мы теперь не поедem. Встала, эта зараза старая, – сплюнул он и добавил матом, указал на ГАЗ, – че-то коробка завывла. Скорости перестали вставляться. А потом она к-а-а-а-к хрустнет, и все. Стали как вкопанные.

– Значит, нам надо в гараж, – сказал я решительно, – ремонт произвести.

– И лупки от завгара получим. Он уже неделю злой, как голодный телок ходит. Матюкать нас будет, на чем свет стоит.

– А что злится-то?

– Да запчасти все ждали, дожждаться не могли. А тут вот они! А мы с тобой встали. Значить, – он пожал плечами, – не будет снова запчастей.

– Ничего страшного, – хмыкнул я, – с завгаром, с Федотычем, – вспомнил я его имя, – я как-нибудь управлюсь. А машина без ремонта с места не двинет.

Это было странное, почти забытое чувство, которое, однако, быстро обуяло меня, и я тут же его принял. Это было чувство шоферской свободы. Получил поручение, и крутись как хочешь. Все только в твоих руках. Я с такой радостью проникся этим, что тут же загорелся желанием вытащить нас с Боевым из передраги.

– Мда. Ну мы на полпути до Армавира стали. До станицы километров десять. До гаража все пятнадцать.

– Ну и ладно, – пожал я плечами, – Сиди, Боевой, здесь. А я за помощью пошел.

– Чего? – выпучил он глаза, – вдаль такую?

– Ну а что еще делать? Если никто не проедет из наших, так будем куковать до ночи, пока не хватятся. А так, может, встречу кого по пути. А может, – я хлопнул Боевого по плечу, – ты встретишь. Тогда меня по дороге подберете.

– Хм. Ну как знаешь, – пожал он плечами.

– Ну тогда бывай, Боевой, – я достал из кармана кепку-пирожок, отряхнул об колено, – не безобразничай тут.

Когда я отошел от машины метров на десять, меня словно осенило. Это ж Боевой! Как его одного оставлять?!

Вернувшись, я немедленно застал его в кабине, занюхивающим собственный рукав.

– Боевой, – запрыгнул я на подножку, – ты че тут делаешь?

– А че я делаю?! – Обратил он на меня перепуганные глаза, а сам спрятал что-то за полый пиджака.

– Чекушку, что ли, прячешь? Ммм?

– Да ничего я не прячу! – Обиделся он, – с чего ты взял?!

– Так, – я строго поджал губы, – не надо. Знаю я тебя. Я сейчас отойду, а ты пьянствовать будешь. Напьешься – уснешь! И машину пропустишь!

Строго посмотрев на Боевого, я протянул ему ладонь.

Он непонимающе посмотрел на руку, потом с какой-то опаской на меня. Проговорил:

– Чего?

– Чекушку давай.

– Да нет у меня водки!

– Ой, плетешь... – Сузил я глаза, – Буду тут стоять, пока не отдашь. Ясно? Не хватало еще машину из-за тебя прозевать.

Боевой глубоко вздохнул, засопел, а потом достал из кармана маленькую бутылочку. Протянул мне.

– Доедем до гаража, – прыгнул я, – верну.

– Ай... – Боевой обиженно махнул рукой и выбрался из машины. Закурил, – иди уж. Не хочу долго тут один сидеть.

– Да не обижайся, – я пошарил в кармане, достал пачку сигарет. Сам то я давно уже бросил. Году в две тысячи десятом. И крепкие сигареты мне были ни к чему, – на вот, – протянул я Боевому пачку Космоса с фильтром, – перекури, пока меня нету.

Боевой благодарно посмотрел на меня. Его живые глаза радостно блеснули. Он критически осмотрел свой окуроченный самокруток и брезгливо отправил его щелчком в полет. Тут же принялся за новую свеженькую сигарету.

Обойдя ГАЗ со стороны его белого носа, я посмотрел назад, надел кепку, чтобы прикрыть глаза от солнца. Вдали, над горячим асфальтом, плясал воздух. Впрочем, также он плясал и впереди, со стороны Армавира. Вот только буквально через мгновение, я услышал шум двигателя. Громко рычал самосвал.

– Эй, Боевой, – Оббежал я машину, – слышишь? Едет кто-то.

– Агась, – он поплевал на недокуренную сигарету, некоторое время решал, куда ее деть: за ухо или в пачку. Сунул за ухо.

Вместе мы стали у обочины.

Через мгновение, из-за горба, которым выгнулась тут дорога, показался ГАЗ. Спустя секунду мы рассмотрели, что это был не самосвал, а цистерна.

– Повезло нам, – скрестил я руки на груди.

– Цистерна это, – поджал губы Боевой, – идет со свинофермы к станице, – он цокнул языком. – Не возьмет он нас на буксир.

– Это еще почему? – Не понял я.

Боевой удивленно посмотрел на меня.

Глава 2

– Да потому что это Ванька Кашевой, – вздохнул Боевой, – а он с Серым водится. Ну как водится, – поджал губы Боевой, – только что в ножки не падает. Родственники они.

– Ну и что? – Вопросительно поднял я бровь.

– Ты, молодой, – нахмурился он, – что-то совсем память растерял. Сходи в поликлинику, как вернемся. Неладное это дело.

– Ты давай, Боевой, – не сводя глаз с цистерны, продолжал я, – не отвлекайся, рассказывай, что да как.

Это было странно. Я вернулся в прошлое, вернулся в свою собственную жизнь. Однако, шло здесь все несколько иначе, чем когда я был молод. События словно бы были другими. Скажем, никакого Серого я не помнил. Да и Ваньки Кашевого тоже. Будто бы эта линия истории немножко отличалась от той, которую прожил я. Отличалась совсем в мелочах, но все равно, нужно было держать ухо востро.

– Да что рассказывать? – Вздохнул он, – я сам подробностей не знаю. Знаю, что ты в гараже только неделю, а сразу с Серым и поцапался. Что там у вас за ссора получилась, я и сам не помню, – как-то лукаво посмотрел на меня Боевой.

– Не помнишь, или влезать не хочешь?

– Честно скажу, парень, что не хочу, – поджал он губы, – Пашка этот противный, как репей. Без мыла в задницу залезет.

– Что ж. Ладно. И на том спасибо, Боевой. Ну а этот, – я кивнул на цистерну, – Этот остановится, – сказал я и ухмыльнулся, – остановится как миленький.

– Это почему ж?

– А пусть попробует не остановиться.

Когда машина приблизилась так, что водитель мог нас видеть, я помахал ему, свистнул. Боевой тоже принялся размахивать руками.

– Стой, Кашевой! – Закричал я, – стой, говорю!

Однако, цистерна и не думала замедлять ход. Я увидел, водителя. Кашевой совсем не смотрел на нас. Будто и не замечал.

– Говорю ж, – сказал кисло Боевой, – не остановится. Придется тебе пешком до станции топать.

Я не ответил. Да и раздумывал совсем недолго. Когда до машины оставалась метров сто пятьдесят, я просто взял и вышел на проезжую часть. Встал, скрестив руки на груди.

– Игорь! Ты че творишь?! – Удивился Боевой.

Я не ответил. Увидел, что машина вышла на встречу, чтобы просто меня объехать. Тогда я двинулся следом. Когда Кашевой вернулся в свою полосу и принялся сигналить, я даже с места не сдвинулся. Стало понятно, что он правда и не думал о том, чтобы помочь нам с буксиром.

– Те че, Землицын! – Высунулся Кашевой из кабины, когда я вынудил его остановиться, – Чего под колеса лезешь?!

Это был пухлощекий мужичок лет двадцати пяти. Его маленькие темные глаза сердито сверлили меня своим взглядом. Пухлые губы искривились от злости. Нос-картошка пошел складками у переносицы.

– Что там стоит? – Я проигнорировал его восклицания и указал на мою машину.

– Чего?

– Я повторять не буду.

Кашевой нахмурился и бросил взгляд на самосвал. Потом проговорил:

– Ну самосвал. Ну и че?

– Что ж ты делаешь? – Нахмурился я, – не видишь, что ли? Машина в аварию попала! Что просят тебя о помощи? Че едешь, глаза вылупил? На дороге помочь – святое дело!

– Мне какое дело? Сам влип, сам выкручивайся!

– Что везешь? – Спросил я строго.

– Чего? – Снова не понял Кашевой.

– В цистерне, говорю, что?

– Каша для свиней, – сглотнул он, – была. Уже нету. Потому как на ферму отвез.

– Каша для свиней, значит? Сам выкручивайся, значит? Кашу возят раз в день. Че дальше делать будешь?

Он не ответил. Не выдержав моего взгляда, отвел маленькие глазки.

– Ничего ты не будешь делать, – сказал я, – в гараже сидеть, или на складе с мужиками водку пить. Мужики от тебя не убегут никуда. А на буксир нам надо. Срочно в гараж надо. Мы за запчастями едем. А там даже не знает никто, что мы поломались.

Глазки Кашевого растерянно забегали. Потом, внезапно, он улыбнулся, видимо, найдя отмазку.

– А трос у тебя есть? Я свой в гараже забыл.

Брешет, зараза. Ну да ладно. Пусть и дальше брешет.

– Боевой, – крикнул я, – будь другом, достань в ящике трос!

Боевой кивнул и торопливо побежал к кабине.

– Что ж ты Боевого гоняешь? – Засопел Кашевой гневно, – он, чай, не мальчик уже, в кабину да из кабины по сто раз прыгать.

– Боевой еще мужик хоть куда, – сказал я, – а я лучше тут постою. Что б ты по газам не дал.

– Вот он! Трос-то! – Вернулся Боевой со стальным многожильным тросом в руках.

Кашевой вздохнул.

– Ладно. Возьму вас на буксир, – недовольно просипел он, – Цепляйтесь, давайте...

Когда он на своей цистерне примостился перед нашим газиком и мы закрепили трос, Кашевой приблизился ко мне.

– Игорь, можно тебя на два слова? – Спросил он тихо.

– Ну?

– Ты Пашке Серому не говори, что я тебя подбросил до гаража. Щас-то там пусто почти. Все по рейсам разъехались. Сам он укатил в Новороссийск за цементом. Если узнает, что я тебе помог, то разозлится как черт, – он потер щеку, – я так-то не против был бы тебя подкинуть, но Пашка... сам понимаешь...

Спрашивать, что ж у нас там с Пашкой Серым за конфликт, и кто он вообще такой, я не стал. Пришлось бы еще и с Кашевым про память объясняться. А мне этого еще не хватало.

– Хорошо, – только и ответил я.

Я снял карданный вал, чтобы машину можно было тащить на буксире. Вместе мы загрузили его в кузов. Когда мы закрепили трос, Боевой разместился в кабине цистерны, вместе с Кашевым. Я же занял свое место в газоне. Двигатель зарычал, и мы тронулись. Под колесами захрустел гравий обочины. Машины медленно пошли в сторону станции Красной.

Сидя за рулем "Газона", я помнил, что еще до моего прихода в бригаду, эта машина отходила не один километр. Исправно отслужила не одну уборочную страду. Удачно провела не один рейс.

Ну что ж. Машины устают и ломаются. На то они и машины. А люди... люди могут выдерживать многое. И если хозяин свою машину бережет, если относится к ней, как к живому существу, она и старая, ездить будет резво и дело свое делать. Вот эту истину я и усвоил, проработав шофером долгие годы.

Я сидел в кабине и контролировал буксируемый самосвал: где надо подрулю, где надо, приторможу, чтобы не протаранить носом овалный зад цистерны.

Когда дорога шла ровно, и не требовалось напрягать внимания, я оглядываться по сторонам. Это было просто невероятно! Все было таким знакомым, и будто бы одновременно новым. Потом я подумал, что просто смотрю на это все новыми глазами. Молодыми глазами.

Мы ехали вдоль зеленой посадки. Слева же колосилось золотое море озимой пшеницы.

Скоро комбайнеры на своих красношкурных “Нивах” выйдут в поле, чтобы собрать всю эту красоту, которую люди сеяли и выращивали, чтобы другие могли есть горячий хлеб.

А мы, шоферы, будем дежурить в период жатвы. Стоять в полях, бдительно следя за тем, когда наполнится бункер очередного комбайна. А потом на мехток, чтобы сгрузить зерно.

Уборочная страда – тяжелое, но удивительное время. Забавно, но тогда, в молодости, оно не казалось мне удивительным. Теперь же, я хотел еще раз поучаствовать в этом действе. Чудесно, когда из жизненных проблем у тебя только одна: завершить отписанный тебе путевым листом рейс.

Машины свернули и пошли по широкой грунтовке. Гравий затрещал под могучими колесами газонов. Очень быстро просторные поля, что были в этом месте, сменились небольшими мазаными хатками на кубанский манер.

Когда машины пересекли асфальтированную улицу Октябрьскую и въехали на широкую Ленина, то мазанки сменились крепкими кирпичными казачками. Потом пошли высоконький новые кирпичные дома с цветастыми коньками и шиферными крышами.

Машины ехали по улицам, а я рассматривал простые крестьянские дворы, которые составляли основу станицы. Да. Здесь жили крестьяне. Рабочие люди, что всю жизнь общались с землей на ты. Простые нравы, простые мысли. Как же мне этого не хватало в прошлой жизни.

Деревянные заборы сменялись плетенками, а те прозрачными заборчиками из крашенных жердочек.

Перед многими домами и хатками раскинулись приусадебные участки. Тут и там деловито бродила домашняя птица: сердито провожали нас гуси; куры опасно юркали из-под колес; на чьем-то заборе сидела летучая индоутка.

Вот, детишки играют в прятки, шуруя по всей улице. Когда мы проезжали мимо, они все застыли, уставившись на машины любопытными глазками. Старики упрямо сидели на лавках и отмахивались от мух зелеными веточками ореха. Грозили деткам, чтобы те не попали под машину.

На углу, у зеленого забора, сидела за деревянным столом целая компания старушек. Шумные и веселые, они играли в лото на копейки.

Станица буквально тонула в зелени: тут и там росли высокие орехи. На перекрестках раскинули жгуты-ветви могучие ивы. Зеленели россыпью плодов придорожные сливы.

Сквозь хлипенькие заборы можно было видеть личные огороды людей. Там аккуратными рядочками росла картошка, а в стройных шеренгах ждала созревания зеленая кукуруза.

Когда мы достигли центра станицы, многое преобразилось. Кончились тихие домишки и огороды. Здесь, на площади, перед красного кирпича зданием сельского совета раскинулся рынок.

Кашевой загудел в клаксон, требуя прохода, когда многочисленные зеваки заполнили дорогу перед машиной. Казалось, чего тут только не продавали: молоко и овощи, одежду и посуду, хлеб и душистые булочки.

Выглянув из окошка, я с наслаждением вдохнул сладковатый аромат свежего хлеба. Он был так силен, что глушил собой даже стойкий запах машинного масла, что царил в кабине. Когда я почувствовал запах хлеба, в голове тут же пробежала мысль о моем доме. О моей семье.

Однозначно было ясно, что неизвестно каким чудесным образом, после смерти в две тысячи двадцать третьем, я перенесся в восьмидесятые. Почему так произошло? Я не знаю.

Но я совершенно точно убедился, что попал в свое же прошлое. Пусть и с незначительными изменениями. Однако, оно было настоящим и живым. Все тут можно было потрогать и попробовать. И это до конца не укладывалось в голове.

Мысль о том, что я снова молод, снова полон сил и способен почти на все, будоражила. Я ведь вновь могу прожить свою жизнь так, чтобы ни о чем не жалеть! Чтобы не допустить ошибок прошлого. И чтобы не допустить разлада в моей семье.

Если на дворе восьмидесятые, то дома все еще хорошо. Мама и отец живут душа в душу. Большая дружная семья Землициных по-прежнему собирается во дворе, за широким столом. Соседи приходят в гости, чтобы отведать вместе скромный летний ужин. А Светлана, моя сестра, еще жива. От этих мыслей мне стало так тепло на душе, что я не сразу осознал, что улыбаюсь, уставившись в совершенно голубое небо.

А потом почему-то пришли другие, темные воспоминания, без которых, впрочем, было не обойтись.

Никогда я не думал, что моя работа юристом лишит меня семьи. А тогда, сорок лет назад, когда я покинул родную Станицу, а с ней и родной колхоз, где трудился шофером, все, казалось, совершенно иным. Думалось, будто я расту, от ручного труда к умственному. От баранки, перехожу к книге и кодексу. Тогда это виделось мне решением. Решением, как пережить смерть близкого человека.

После гибели Светы, моей сестры, Красная стала для нас ни родиной, а проклятым местом. Уж много времени прошло, а это преступление так и осталось нераскрытым. Оно разделило жизнь моей семьи на до и после. Произошло это в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году. То есть у меня еще восемь лет до смерти Светы. И я сделаю все, чтобы спасти ее, мою семью и мою судьбу. Мне дан шанс изменить мою жизнь и жизнь близких. И я им воспользуюсь по полной.

Внезапно я вспомнил, как долго обивал пороги сельсовета, и даже конторы следственного управления Армавира, после смерти сестры. Потом сам пытался искать убийцу. Но тогда ничего не вышло. Мать захандрила, а отец страшно запил.

Я насильно увез родителей в город, подальше от Кубани. А потом смог поступить в хороший институт, получить образование. Тогда мог ли я подумать, что когда-нибудь вернусь в это место? Нет. Более того, не мог подумать, что захочу вернуться.

Когда я учился на юриста, в нас вбивали основную мысль: права гражданина главное в советском государстве. И все они должны быть равными. Каждый должен иметь возможность их защитить. А мы, юристы, эту защиту обеспечивали.

Но когда рухнула страна, начались девяностые, правее стал тот, чей карман больше набит валютой. И тот юрист становится богаче, кто лучше может защитить права тех самых, новых “правильных” людей. Пусть даже такая защита не всегда связана с законными методами.

Я богатым так и не стал. Ни обогатился в девяностые, ни поднялся в двухтысячные. Хотя постоянно видел способы и возможности. И “правильные” люди ко мне тоже ходили. Уж репутация профессионала у меня была. Но когда они понимали, что со мной не получится “обтяпать” дел, то быстро убегали к конкурентам. Ведь через Землицына не выйти на судей. Через Землицына не пропихнуть взятку. Через Землицына не узаконить самовол на чужой земле. Нет. Это не к Землицыну. И моя честная репутация сыграла со мной злую шутку.

“Не теми ты принципами руководишься, – говорила мне дочка-юрист, – поэтому так и останешься с дырявым карманом.”

Я был рад, что оставил это все за спиной. Что теперь моя жизнь будет другой. Я сделаю ее такой, какой сам захочу.

Машина притормозила, и я выжал тормоза, чтобы замедлить ход покотившегося газона. Мы поехали с горки, Кашевой включил пониженную передачу, чтобы машиной было проще

управлять. Бричка, запряженная толстенькой кобылкой, прижалась к обочине. Лошадь, сторо-
нясь больших машин, опасливо подала голову в сторону самосвала, оскалила желтые зубы.

Почему-то я вспомнил, как отец в детстве катал меня на бричке. Именно в этот момент
мне больше всего захотелось вернуться домой, к родным. Посмотреть на отца и мать. Увидеть
сестру Светлану. Увидеть наш дом. Первый дом Землициных на Кубани. Дом, построенный
моими родителями и стоявший в станице до самой моей смерти, которая для меня случилась
час назад. Так, в этих раздумьях, я проехал всю станицу.

Проследовав по главной улице Ленина в самый ее конец, машины добрались до гаража.
Окруженный высокими бетонными плитами ограждения, он представлял из себя широкую сто-
янку, с десятков ремонтных боксов, да небольшую контору, где сидели завгар, экспедиторы и
механики.

Больше ста машин: от самосвалов до молоковозок покоились прямо здесь, под открытым
небом. Вот только сейчас гараж был почти пуст. Все ушли на рейсы.

Когда мы въехали в высокие, распахнутые настежь железные ворота, я увидел, что лишь
несколько сломанных машин стояли на своих местах. Их хозяева-шоферы сутились вокруг,
ища и устраняя поломки.

– Странно, – нахмурился я, – а с этой, что не так?

Немного на отшибе, в дальнем конце площадки, стоял самосвал. Это была самая рас-
пространенная модель в линейке – ГАЗ-53. Самосвал выглядел совершенно обычно, за исклю-
чением того, что на его зеленом свежеокрашенном кузове большими трафаретными буквами
светилась белая надпись: “Белка”.

Станным было не то, что машина стояла на отшибе. И меня удивила даже не надпись
на кузове. Станным мне показалось именно то, что она просто стояла. Совершенно без дела.

Ведь известно, что исправные машины в колхозе без дела не стоят. Для них всегда най-
дется работа. Почему не нашлась для Белки, я не знал. Сломана? Тогда почему не ведется
ремонт? Исправна? Тогда что она бездельничает?

Как только мы въехали во двор, Кашевой отволок ГАЗ на свободную стоянку. Затем оста-
новился. Загрюкали двери самосвалов. Кашевой и Боевой выпрыгнули из кабины цистерны. Я
тоже выбрался наружу. Принялся отцеплять трос от машин.

Когда посмотрел на Кашевого, заметил, что он просто изменился в лице. Побледнел, а
губы его и вовсе, казалось бы, стали синими и мелко подрагивали.

– Тебе что, плохо, что ли? – скручивая трос спросил я.

– Плохо, – сглотнул Кашевой, – будет плохо.

– Почему?

– А вон, – спрятал он глаза и кивнул украдкой куда-то вперед. Я проследил за взглядом
шофера.

На стоянке, метрах в пятидесяти от нас стоял ГАЗ-52. Под его капотом копался какой-
то мужичок. Другой же, высокий и поджарый, с костлявым, очень злым лицом, стоял у колеса.
Совершенно не стесняясь, костлявый сверлил взглядом Кашевого.

– Пашка Серый, – сглотнул Кашевой, – не уехал в рейс. Поломался, видать.

– Слушай, – не понял я, – а что ты его так боишься? Че он тебе сделает?

– Ничего-то ты не знаешь, – нахмурился Кашевой, – ну и не лезь лучше. Ты его и так уже
зацепил. Теперь не отделаешься. И мне жизни не будет. Ну тебе то еще неплохо, ты далеко от
Пашки живешь. А мы с ним, – Кашевой шмыгнул носом, – соседи. Да еще и свояки.

– Да ладно тебе, – я смотал жесткий трос, – будет лезть, мне скажи. Я ему живо по шее
надаю.

– Угу, – неопределенно ответил Кашевой, а потом его глаза испуганно расширились.

Я обернулся. Пашка Серый энергичным широким шагом шел к нам.

Глава 3

Однако, шел Серый не один. Бок о бок с ним шагал другой мужик, которого я не знал. Высокий, но слегка сутулый, он носил грязноватые брюки и клетчатую рубашку с коротким рукавом. Черные с сильной проседью волосы выбивались из-под серой фуражки. На суровом лице синела щетина. Взгляд жестких глаз упал на меня.

– Опять поломался, – с ходу, без приветствия, ответил синешекский, – чего случилось-то?

Серый же стал рядом с синешекским, скрестил руки на груди, но говорить не спешил. Я заметил, как Серый бросил на Кашевого злобный взгляд.

– Коробка, – пожал я плечами, – завывала, как потерпевшая. Передачи включаться перестали. А потом и вовсе клина поймала. Думаю, подшипник развалился.

– Подшипник? – Поджал губы синешекский мужик, – так я тебе выдавал подшипник только три дня тому.

Выдавал подшипник, значит. А. Этот мужик, видать, механик по ремонту. Складом заведует. Выдает запчасти для машин. Только странный он. Я совсем его не помню. Может, просто позабыл? А, может, и вовсе не было его в моем прошлом. Как Серого и Кашевого, например.

– Ну что поделать, – пожал я плечами, – видать, снова из строя вышел. Выдайте мне новый, я отремонтирую.

– Новый? – Синешекский нахмурился, – Новый тебе подавай? Тот, что я тебе выдал три дня назад, был новый! А теперь все! А может, и не в подшипнике дело вовсе? Может, – он с неприязнью посмотрел на меня, – передачи втыкаешь так, что коробки и ломаются?

– В каком это смысле? – нахмурился я

– А в таком, что непонятно, где вас только таких учат! Как что-нибудь в руки попадет, так что дай, что выбрось! Ты, наверно, одним местом в прошлый раз коробку чинил, вот и поломалась! А теперь хочешь новые казенные запчасти получить?! Шиш тебе! Вот вычтут из зарплаты стоимость запчастей, тогда и выдам!

Вычтут? Это с какой это стати? Что там сломалось, нужно еще посмотреть, а если это новая запчасть, так и тут нет ничего удивительного, что она вышла из строя. Может быть, брак. А в своих силах я уверен. Я еще в армии неплохо научился с машинами работать, а позже, в гараже, мои навыки только улучшились. Уж кто-кто, а я к машинам подход знаю. И если чинил коробку тот, другой я, молодой, еще до переселения, так и в нем я уверен. Потому слова механика меня просто разозлили.

– А ты кто, мужик? – я хмыкнул, – Что ты раскричался, как баба на базаре? Или забыл, как по-людски разговаривать надо?

Серый, под взглядом которого, Кашевой совсем поник, встрепенулся и удивленно посмотрел на меня.

– Кто? Я? – Растерялся механик. Видимо не ожидал он такого отворота от молоденького паренька, – да я щас...

– Либо говори спокойно, – продолжил я, – либо иди по своим делам. Без тебя запчасти достану, если уж нужно будет. И все равно мне, кто ты тут есть, хоть механик, хоть папа римский.

Механик злобно уставился на меня, но глаз я не отвел. Несколько мгновений продолжался наш зрительный контакт, но синешекский не выдержал и спрятал глаза.

– Тоже мне, – забубнил Механик себе под нос.

– А ты что такой смелый? – Вклинился вдруг Серый, – Рожа что-то больно интеллигентская. Я в прошлый раз тебе сказал, что ты гараж с обсерваторией перепутал и от своих слов не откажусь. А дядьку моего не трогая. Ни то с подбитым глазом уйдешь!

– С подбитым глазом, говоришь? – Сказал я ледяным тоном, да так, что Серый аж в лице переменялся, – ну, давай. Попробуй. Я тебя быстренько в поликлинику отправлю. А за рожей, ты, лучше, за своей присматривай. А то, глядишь, всех девок в колхозе распугаешь.

Серый тоже уставился злобно и даже сжал кулаки, но шагнуть ко мне не решился.

– А ну! Отставить! – Рыкнул кто-то, и этот голос был знакомым.

Потасовка тут же закончилась. К моему удивлению, я увидел, как и механик и Серый вытянулись почти по струнке.

Со стороны приземистого здания диспетчерской к нам шел низенький полноватый мужичок. Его пушистые брови строго свелись к переносице, а пышные усы спрятали верхнюю губу искривленного в недовольстве рта. Активно работая толстыми крепкими руками, он быстро топал к нам. Когда приблизился, сложил руки на груди.

– Серый, Землицин, – начал он, – снова вы тут свою шарманку завели? Я вам сказал: личные конфликты, давайте-ка решать за пределами гаража, и не кулаками, а по-человечески! А если нет, так я поставлю дисциплинарный вопрос!

Этого мужика я вспомнил сразу. Михаил Федотыч Штанько, завгар наш. Хороший мужик. А вот что у нас с Серым за личный конфликт, было неясно. Так и чесался у меня язык, спросить это у Пашки. Если бы не его спесивое поведение, я б на Серого и не посмотрел бы. Ну теперь все. Проблему нужно решать.

А тут еще и механик ни с того ни с сего на меня напал. Мне казалось, что они оба и Серый и механик, дуются на меня по одной и той же причине. Тем более, они родственники. Все, хватит гадать. Разузнаю в чем тут дело прямо сегодня. И пресеку на корню весь этот конфликт.

– Да поломал машину, – надувшись и скрестив руки на груди, – сказал механик, – и требует запчастей! А я ему, мол, сначала разбери коробку, глянь, может, так справишься, без замены деталей, – механик перевел взгляд на завгара, – ты ж знаешь, Федотыч, у нас щас с запчастями туго. Вот-вот начнем старые машины потрошить.

– Врешь, значит? – Спросил я у механика ухмыльнувшись, – Вместо того, чтобы у тебя машины исправно ходили, запчастей, не пойми про что, бережешь? Не свариишь с тобой каши, хоть и старым опытным мужиком ты кажешься, – заявил я, – ой не свариишь.

Механик удивленно округлил глаза. В глазах его блеснул страх. Испугался, видимо, что молодой парень не боится целого механика. Спустя мгновение, он злобно нахмурился, открыл было рот, но завгар опередил его:

– Егор Степаныч, ты что-то сам не свой в последнее время. Может, случилось чего?

Механик, которого звали Егором Степановичем, загадочно переглянулся с Пашкой Серым, поджал обветренные губы. Повременив пару мгновений, заговорил:

– Что у меня случилось? Нервничаю! Запчастей не хватает, партии задерживают, да и списки я видел. На новые коробки расходников вообще с гулькина нос нам поставить смогли. Что у них там твориться?

– Мда, – вздохнул Федотыч, – я уже не раз в правление писал, чтоб поставили вопрос поменять поставщика. А они все с этим тянут, да тянут!

– А у нас уборка на подходе! – Не унимался Степаныч, – вон стоят машины, все как одна, не на ходу! А еще сколько нуждаются в обслуживании? На честном слове держаться, а тут новенький, – посмотрел он на меня с укором, – только машину получил, и давай ее ломать! Лучше б баранку так усердно крутил!

– Ты лишнего не болтай, Степаныч, – хмыкнул я, – я сказал, разобрать и глянуть надо. Там, наверняка, развалился подшипник. Брак. Раз уж я недавно только менял его, деталь могла попасться некачественная.

– Неправильно ремонт провел! – Не унимался Степаныч.

– Да что там можно было неправильно провести? – Посмотрел я на него со снисходительной ухмылкой, – ездил ж? Ездил. Значит, подкачала деталь.

Механик Степаныч нахмурился. В его глазах заблестело злобное сияние. Было видно, что гордость мужика задета.

– Так. Ладно, – вздохнул Федотыч, – машину на стоянку, а ты, Игорь, домой иди. Завтра утром придешь, будешь ковыряться с ней. Сегодня, дотемна, снять и разобрать ты все равно не успеешь. А в помощь мне дать тебе некого.

– Да я могу, – вклинился Боевой, закуривая белую сигаретку. Рейс у нас все равно сорвался.

– Ничего не сорвалось, – завгар посмотрел на старика, – запчасти надо забрать сегодня. Колхоз не должен платить лишнего за хранение партии на городском складе.

– Так, а ехать то не на чем, – пожал плечами Боевой.

– Так, – Федотыч на пару мгновений поднял к небу задумчивые глаза, – Серый, починился?

Пашка Серый, видимо, сразу понял, что к чему и стал хмурым, как полено.

– Починился, – понуро протянул он, – помпа сдохла. Только новую поставил.

– Ну вот и отлично, – Кивнул завгар, – в Новороссийск ты сегодня не поехал, завтра Вадика Сиренко отправлю. А ты, давай, сегодня за запчастями, в Армавир.

– Что? – Удивился Серый, – так там же, до Новороссийска, за дальнюю поездку... надбавка!

– Ну надбавка, – кивнул завгар, – ну и что? Я тебе еще, когда говорил: “проверь помпу!” А ты мне что? “Нормаль-нормально! Вода такая! Тосолу лучше дайте!” Вот и доездили! А теперь надбавку Серенко получит.

– Ладно, – засопел недовольно Серый, – нам еще полчаса нужно.

– Как это полчаса? – Недоуменно поднял брови завгар, – ты ж сказал, что машина готова?

– Почти готова, – буркнул он.

– Ну тогда давай! Живее! Ать-два! – Захлопал в ладоши Федотыч, подгоняя шофера.

Недовольный Серый направился к своей машине. Подозвал мужичка, что капался до этого в его машине, а теперь крутился где-то неподалеку.

– А ты, Игорь, иди домой. Только отметить в журнале, – вздохнул Федотыч, – что машину вернул. Шас, перед уборкой, у нас строго. Проверки постоянные.

– В журнале отмечусь. Но в гараже мне надо остаться, – ответил я.

– Нечего тут, по гаражу, без дела шастать.

– А я не без дела, – хмыкнул я, – есть у меня еще работа.

– Это какая же?

На самом деле я просто хотел задержаться в гараже, чтобы успеть поговорить с Серым. Ненавижу незакрытые вопросы и недомолвки. Все это у меня на душе так свербит, что зубы сводит. Потому должен я с ним поговорить и расставить все точки над ё. Вот только повод найду.

– А я попробую коробку снять. Гляну, что там да как. Уверен я, что подшипник рассыпался.

– Мда, – он вздохнул, – запчасти шас, не запчасть, а дерьмо коровье! Что они там, на своем Волгодонском заводе, только гайки точить научились, что ли? А с коробкой ты это брось, Игорь. В одиночку с ней запаришься возиться.

– Не запарюсь, – улыбнулся я, – сам сниму и установлю на место.

– Да не плети ты. Чего рисуешься? – Недоверчиво начал завгар, – я понимаю, снять одному. Но ставить, ее, это ж и вдвоем мука адская. Мужики, иной раз, целый день могут мучаться.

– Давай так, – я улыбнулся, – разберу ее до трех часов дня, а ты, дядь Миш, за это заставишь Степаныча выписать мне запчастей.

Завгар задумался.

– Вообще, мне б твой самосвал завтра, на мехтоку пригодился. Не хватает там машин. Ну давай, Игорь, попробуй, – пожал он плечами, – только в две руки ты все равно не справишься. Но если дома не сидится, то копайся в коробке сколько влезет.

— Открывая Олимпийские игры в Москве, – Серый завел какой-то анекдот, – Брежнев сказал: – 1980! О! О! О! Референт ему ответил: – Леонид Ильич! Это же олимпийские кольца, текст ниже.

Серый, Кашевой, механик и тот молодой парень, что копался в ГАЗе Серого, рассмеялись. Один Боевой, потягивая сигаретку, остался молчать и только криво усмехнулся. Когда компания увидела, как к ним приближаюсь я, то поменялась в лицах. Все нахмурились.

– Завгар велел выдать запчасти, – приблизился я, – если успею разобрать коробку сегодня.

– Знаю, – хмыкнул механик Степаныч, – говорил он мне. Но смотри, если получится, что ты сам виноват в поломке, выдам только за твой счет. Из зарплаты вычтут. Вот только как ты ее в одиночку то?..

– Без сопливых, – ответил я холодно, – а теперь мне надо с Серым, с глазу на глаз пере-говорить, – сказал я, заглянув в лицо Пашке.

Все переглянулись.

– Дратся хочешь? – Нахмурился Серый.

– Успеем еще, если попросишься, – ответил я, и все напряглись, – но сейчас, просто поговорю.

Некоторое время Серый смотрел мне в глаза, потом отвел взгляд, щелчком выбросил окурок и сплюнул. Проговорил, потирая висок грязным пальцем:

– Ладно. Покурили. Давай, Микитка, – глянул он на парнишку, – заливай воду в систему и проверим, как работает охлаждение.

Молодой худощавый парень со светлым, но чумазым лицом и большими наивными глазами кивнул и тут же умчался куда-то за машину. Остальные с пониманием разошлись. Только механик Степаныч шепнул что-то Серому на ухо и направился к диспетчерской.

Вместе мы зашли за кузов, так, чтобы Микитка не слышал разговора. Мне-то, в общем, было все равно. Но Серый явно сторонился чужих ушей.

– Что у нас за ссора? – Начал я тут же, – забыл я. Солнечный удар поймал. Забыл и все тут. Но хочу разобраться на месте. Чтоб не таить злобу друг на друга.

– Забыл? – Недоверчиво приподнял брови Серый, – что-то мне не верится. Землицын, что ты задумал-то?

– Не люблю я дважды повторять, Серый, – ответил я, – ясно ж сказал, что хочу решить все здесь и сейчас.

Он поджал губы. Посмотрел на меня прищурившись, явно ища подвоха. Знаю я этот взгляд. Взгляд хитрого и изворотливого человека. Взгляд такого, кто очень уж не любит прямых и открытых действий. Того, кто не привык к прямолинейности. А прямолинейность, по моему опыту, против таких – первое оружие.

– А ты у сеструхи своей спроси. У Светки, – сказал вдруг Серый.

Я нахмурился.

– А причем тут Света?

Серый было открыл рот, но со стороны диспетчерской раздался крик завгара:

– Серый! Езжай давай! Время уже! Я ж говорил вам! Все личные дела за пределами гаража!

– И как тут с начальством спорить? – Хитро улыбнулся Серый.

– Ну в таком случае, – начал я, – завтра вечером у пивнушки. А не придешь, я приду, но уже к тебе домой.

Серый поджал губы и посмотрел на меня тяжелым взглядом. Правда, быстро отвел глаза, зашагал прочь, к кабине.

Когда я направился к своей машине, увидел, как Боевой устало залазил в самосвал к Серому. Двигатель зарычал, и ГАЗ сдвинулся с места. Уже спустя полминуты он грохотал за пределами ворот.

Что ж. Мне ничего не оставалось, кроме как вернуться к своей моему грузовику. Мне предстояла сложная и тяжелая работа. Завгар совершенно верно заметил, что в одиночку снять разобрать и установить коробку газона – задача не из легких. И ладно бы снять. Разборка и установка – самое сложное. Без кувалды и такой-то матери тут не обойтись.

К тому же первичный вал упрямого агрегата отказывался становиться на свое место, в диск сцепления. Не хотел присоединяться к двигателю.

Если проходишь мимо газона и слышишь, как один мужик копошится в салоне, а другой сидит под машиной, и при этом оба пыхтят и страшно матерятся, можешь быть уверен – они ставят коробку передач.

А ее ремонт – дело частое. Нередко ломался диск сцепления, и чтобы до него добраться, приходилось снимать КПП. Частой замены требовали и внутренние детали коробки. Особенно хрупкий подшипник первичного вала.

Тем не менее, я был рад приступить к такому ручному труду. За долгие годы работы юристом я устал вечно перебирать бумажки. Руки просто чесались по замысловатой работе с узлами машины.

Когда я вскочил на подножку и принялся демонтировать сидения газона, то почувствовал невероятный азарт. Спустя пять минут сидения уже покоились на улице. Туда же отправился и линолеум, что укрывал пол. Потом пришел черед и железного полка, скрывавшего коробку. Открутив и аккуратно сняв его с рычага переключения передач, я положил полк в салоне так, чтобы не мешал работать. Под ним и покоился большой железный короб – коробка передач.

Все шло гладко и быстро, однако, я знал, что самое сложное еще впереди. Я начал снимать барабан ручника. Отсоединил датчик спидометра и вилку сцепления.

Пришел черед гаек, что крепили коробку со стороны двигателя. Когда я открутил и их, то забрался в кабину.

– Ну что, – поплевал я на руки, – давай родимая, выходи!

Схватившись за рычаг переключения передач, я напрягся и изо всех сил потянул влево. Я никогда не интересовался тем, сколько же висела коробка передач от ГАЗа, но по ощущениям, килограмм сто!

По рукам пошло напряжение, я почувствовал, как задрожали мышцы на ногах и спине. А потом, с металлическим шуршанием, коробка сошла с направляющих и повисла на одном только первичном валу.

– Руки помнят, – утер я пот со лба, – ну ладно. Это только треть дела.

Напрягшись еще сильнее, я извлек первичный вал из паза и медленно, оберегая спину, опустил коробку вниз, на голый асфальт. Действовать пришлось совсем так же, как кладут штангу атлеты-штангисты.

“Вставляй спину и жопу оттопыривай! – Вспомнил я наущения Федора Ильича, в прошлом тренера по тяжелой атлетике, которого жизнь забросила в шоферы, – тогда не сорвешь мышцы-то!”

С таким же трудом я вытащил тяжеленный агрегат из-под машины. Разместил коробку рядом с передним колесом, на асфальте. Я взмок, а руки все еще гудели от напряжения. Тем не менее глядя на промежуточный результат своей работы, я почувствовал, как улыбаюсь.

Диспетчерская представляла из себя небольшое здание с неровными белеными известью стенами и деревянными полами, окрашенными в красный цвет. Было здесь два кабинета, да коридорчик.

Один из кабинетов чинно занимала уважаемая всеми диспетчер по имени Лидия Петровна. В другом же ютились завгар и оба механика.

В небольшом коридорчике, что вел в кабинеты, стояла пустая ученическая парта. На стене висел большой плакат. На нем улыбающийся мужчина-шофер держал руль грузового автомобиля. Надпись на плакате складывалась в незамысловатое четверостишие:

Горжусь профессией моей,
Люблю ее размах.
Умело мощь стальных коней
Держу в своих руках!

“Я так хочу, чтобы лето не кончалось!” – Приглушенно звучала из кабинета товарища диспетчера песня Пугачевой. Должно быть, там стоял радиоприемник. А может быть даже магнитофон.

Застыв на мгновение в коридоре, я заслушался. Забавно. Эту песню. “Звездное лето” я мог послушать в любой момент и в прошлой жизни. Однако здесь, сейчас, она звучала как-то совсем по-иному. По-новому.

Повременив еще немного, послушав мелодичные “ла-ла”, я постучался и вошел в кабинет завгара.

– Ну что, – сказал я с порога, – снял коробку, разобрал. Милости просим. Гляните, – посмотрел я на механика по ремонту Степаныча, – что там, с ней, произошло.

Степаныч, видя мое веселое лицо, нахмурился и вжал голову в плечи. Завгар Федотыч глянул на наручные часы, приподнял брови.

– Ого. Шустрый ты, Игорь. Лихо справился.

– Это только половина работы, – сказал я весело, отчего механик посмурнел еще сильнее, – самое тяжелое впереди. Вот только чтобы собрать коробку, мне нужны запчасти.

– Погодим еще, – начал механик Степаныч, – посмотрим сначала, за чей счет будет ремонт: за колхозный, или за твой личный, Землицын.

Было видно, как ему не нравится, мое выражение лица. Кажется, Степаныч решил, что я улыбаюсь, чтобы позлить его. Конечно же, это было не так. Я просто испытывал невероятное удовольствие от проделанной работы. Мне казалось, что еще никогда я так не радовался результату своего труда.

– А что там с коробкой то случилось? – Посмотрел на меня завгар вопросительно.

Глава 4

– Мда... Развалился подшипник, – Вздохнул завгар Федотыч.

– Налицо некачественная сборка детали, – сухо зато сказал я, – Шар выскочил из обоймы. Застрял между шестернями вала и второй передачи. Выбил я заразу, – я показал слизанный шарик, лежавший на моей грязной ладони. Все с интересом склонились над рукой, – главное – зубья сильно не покаршились. Чуть напильником рихтануть и сцепятся.

– Эх! Тьфу ты! – Махнул рукой завгар и поднялся от коробки.

Разборку коробки пришлось проводить прямо тут же, на месте. Все ремонтные боксы с ямами и верстаками были заняты сломанными машинами. Еще с прошлой моей жизни я помнил, как сложно было туда попасть. В большой семье клювом не щелкают. Кто первый поломался того и яма.

Вот я и взялся за КПП прямо у правого колеса ГАЗа. Работать было неудобно, но привычно. На удивление привычно. Казалось, не было тех сорока лет, что пролетели между той и этой жизнью.

Я радовался, когда сливал черное пряное масло из агрегата, обделав им все руки и даже рубашку. Радовался, когда срывал тугие винты с крышки. Радовался даже выпресовывая моло- том вал.

Все просто горело в руках, и времени я не замечал.

Когда я позвал завгара к машине, вместе с ним уцепились и оба механика. Механик по ремонту Степаныч, с нашей ссоры был темный, как вырытая ночью могила. Он свел суровые брови, а нос его от нахмуренности стал казаться еще больше.

Механика по выпуску Никиту Олеговича Федотова я помнил еще из прошлой жизни. Это был очень крупный мужик под пятьдесят. Высокий рост и крупное тело его создавали такое впечатление, будто смотрит механик на всех с надменностью и холодом. На самом деле это было не так. На широком лице с крупными лошадиными чертами горели очень добрые глаза. Был Никита Олегович добрым, спокойным и немного меланхоличным человеком.

Когда я привел завгара и механиков к своему рабочему месту, все окружили коробку, как котелок с кашей. Принялись заглядывать внутрь. Брали и критически осматривали детали, старательно разложенные мной на сером куске материи.

– Запчасти сыпятся, как песочные, – сказал очень низким голосом Никита, – Женя Лыков подшипник и шестерни менял в КПП. Так и месяца не отъездил. Подшипник также развалился и зубья все послизал.

– Они там что? – Гневно засопел завгар, поднявшись на ноги и топча недокуренную папи- росу от злости, – ногами детали, на своем заводе делают?! Не дело это все! Не дело! Надо срочно менять поставщика, а не экономить! Бо все перевозки колхозные встанут! И что тогда?

– А тогда все, – низко протянул Никита, поднимаясь с корточек – тогда накатаемся.

– Степаныч, – я встал, посмотрел на механика по ремонту, – ну что? Пойдем за запча- стями?

Степаныч хмуро посмотрел на меня снизу вверх. Недовольно искривил тонкие губы. Потом взял с холщины смятый подшипник вала. Встал, покрутил деталь в грязных руках.

– Да что ты его нянчишь, как родного? – Нервно выпалил ему завгар, – выдай парню запчасть, не вредничай. Видишь же в чем дело?

Степаныч что-то недовольно пробухтел себе под нос.

– Уговор помнишь? – Спросил я с усмешкой.

– Да помню-помню, – сказал он хмуро, – пойдем до склада. Выдам.

Когда механик по ремонту побрел прочь от машины, я уже было хотел пойти следом, но завгар меня остановил.

– Молодец Игорь, – сказал он с улыбкой, – шустро работаешь. Дела не боишься. Молодой, а толковый. Честно, не ожидал.

– Да ладно, дядь Миш, – махнул я рукой, – изголодался я по этому железному делу, – показал я ему вымазанные маслом руки, – ой как изголодался.

– Изголодался? – с ленцой улыбнулся Никита Олегович и посмотрел свысока покровительственным взглядом, – ты ж только недавно из армии вернулся. Водителем был. Там тебе, что ли, машин не хватило?

– Не хватило, – хохотнул я, – ой как не хватало.

Олегович не ответил, а только одобрительно хмыкнул, а потом попрощался и пошел к диспетчерской.

– Ты как решил? – спросил завгар, – домой, или тут, в гараже еще походишь?

– Соберу коробку, пока руки горят, – улыбнулся я, – а там глянem. Может и поставить смогу.

– Так, – он глянул на часы, – в пять мужики в гараж возвращаться начнут. Попросишь кого-нить тебе подсобить с установкой. Если, конечно, собрать к этому времени успеешь.

– Глянem, – кивнул я, – ладно. Пойду за подшипником, – я улыбнулся, – а то Степаныч, видать, заждался уже.

– Игорь, – остановил меня вдруг завгар.

– Ммм? – я обернулся.

– Весь день наблюдаю, как вы с Серым цапаетесь. Знаю, что ты сейчас и дядьку его, Степаныча, терebить начнешь. Выспрашивать. Просьба у меня такая есть к тебе.

– Это какая же? – Я вопросительно изогнул бровь.

– Ну не расспрашивай пока его ни о чем. Не надо свое личное в гараж. То, что промеж вашими семьями, пусть за воротами будет. Бо придется мне собрать товарищеский суд. Если уж сами, по-человечески порешать не сможете, порешает за вас коллектив.

Признаться, я и правда думал спросить Степаныча, что же происходит. Но вот эти слова завгара: “То, что промеж вашими семьями, пусть за воротами будет.” Вселили в мою душу беспокойство. Что же промеж нашими семьями? Не уж то там что-то непростое? Приду домой – выпрошу. А сейчас послушаю завгара, раз уж ему это так важно.

– Хорошо, дядь Миш, – согласился я, – я правда хотел его расспросить. Но разу уж ты просишь, не буду.

– Спасибо, Игорь, – заглянул завгар мне в глаза, – у нас на носу уборка. Тут не о том думать надо. Тебе, например, о том, чтобы в поликлинику сходить. Боевой мне рассказал и про солнечный удар, и про потерю памяти. Много забыл?

– Так, – отмахнулся я, – чуть-чуть. Не проблема это.

– Ну, коль считаешь, что не проблема, то хорошо, – завгар сжал губы, – добро-добро, – вздохнул он.

Не ответив, я кивнул, и мы разошлись.

Склад запчастей представлял из себя небольшой продолговатый сарай с серой от времени шиферной крышей. Расположился он за диспетчерской. Когда я приблизился, увидел, что одна его высокая деревянная воротина, выкрашенная синей краской, откинута. Внутри горел тусклый свет.

Когда я вошел, в нос ударил приятный запах свежего моторного масла и консервационной смазки. Всюду, у стен, стояли тяжелые железные стеллажи. На полках лежали новые и не очень детали. Я обратил внимание, что большинство полок пустовали.

Степаныч, пытаясь, взобрался на деревянный стул без спинки и шарил руками на верхней полке стеллажа.

– На, вот, – сказал он, когда слез со стула и подошел, – бери подшипник. Но, так и знай. Была б моя воля, не ведать тебя его было бы за колхозный счет.

– Я пообещал Федотычу, – сказал я, заглядывая в хмурые глаза механика, – что все, что промеж наших семей произошло, будет только за воротами гаража. Там дуйся на меня сколько влезет. Хоть не разговаривай. Молчи как рыба. А тут, ты – механик, я – шофер. Работаем мы. Колхозу мы и руки, и ноги. Так что тут, между нами, ничего личного быть не должно.

Старый механик засопел. Потом мелко закивал.

– Хорошо. Но вне колхозной жизни дружбы между нами не будет.

– Глянем, – бросил я через плечо, выходя из сарая.

Не скрою, что коробка эта попила у меня крови по самое горлышко. Собирать ее, запрессовать вал обратно, было сплошным мученьем. И все же, к вечеру я справился с этой железкой. Когда принялся затягивать последние болты на крышке, подходило пять вечера.

Самосвалы, молоковозки, автобусы по одному, по два, стягивались в гараж. То и дело слышал я рык двигателя и хруст асфальта под колесами очередной возвращающейся машины. Вернулась пара новеньких КАМАЗов, которые колхоз приобрел совсем недавно. Многогострадальная Колхида притянула свой прицеп, зеленый после силоса.

К вечеру гараж наполнился людьми. Шоферы, уставшие, но радующиеся окончанию рабочего дня, выпрыгивали из кабин. Стопились у конторы, спеша черкануть в книге за машину и отправиться домой.

– Игорь! Ну че ты там? – Крикнул мне кто-то снаружи.

В этот момент я как раз копошился под машиной, стараясь затянуть туда коробку так, чтобы не слизать ее железный корпус об асфальт.

– Бросай давай эту железку! Поехали домой!

Моложавый голос звонко разнесся по округе, перекричал низкий гул двигателей тяжелых машин. Я высунулся из-под днища.

Это был Саня Плюхин. Сосед мой. Невысокий, но кряжистый светловолосый парень сидел на краснобокой новой Яве. Мотоцикл блестел хромированными трубами в лучах вечернего солнца. Ее двухтактный двигатель звонко трещал вхолостую.

– Поедешь домой? Или пешком? – Перекричал Саня свой мотор.

Саню я знал давно. Старше меня на три года, он был сыном простых колхозников, и потому как пришел из армии, тут же подался шофером. Саня был толковым, быстро попал в комсомол. К двадцати трем годам ездил на одном из самых новых самосвалов в гараже. И даже купил себе новенький мотоцикл.

– Да не, – я выбрался из-под машины, – мне б доделать.

– Да брось ты ее, – рассмеялся Плюхин, – брось коробку. Или до ночи решил с ней воловодиться?

– Да не, – повторил я, – я быстро.

А потом запрыгнул в кабину.

Саня удивленно уставился на меня. Заглушил двигатель мотоцикла и поставил его на подножку.

– Ты че это удумал? – залез он на ступеньку.

– Поставить ее хочу, – сказал я, утирая кепкой лоб, – чтобы не бросать дело на полпути.

– Я понял, – он вздохнул, – хочешь ты и сам тут до ночи сидеть, и меня с собой увлечь. А в буфете нынче пиво! Отраденское! Машка обещала, что привезут три бочки.

– Да не держу я тебя, Саш, – взялся я за рычаг, – езжай домой. А я сам хочу.

– Как это, сам? – Расширил глаза Саша, – ты, чай, не пьяный?

И действительно, я хотел сам. Сам ее поставить. Весь сегодняшний день я наслаждался каждым движением своего молодого тела. Разница со старостью была так велика, и в то же время неуловима, что ощутить ее можно было только сделать вот такой быстрый скачок из одного возраста в другой.

Я просто не мог остановиться. Радость оттого, что в движениях больше нет напряги, что ничего не болит, а одышка ушла в прошлое, захлестывала так, что хотелось испытать себя перед все новыми и новыми преградами.

Кроме того, я умел ставить КПП газона сам. В одиночку. Выучил это, не побоюсь слова, искусство еще в прошлой жизни. Когда общался с тем самым Федором Ильичом, тренером по тяжелой атлетике, которого занесло в шоферы.

У нас он пока не работал. Придет только году в восемьдесят втором. Но мужик был мировой. Высокий, почти как Никита Олегович и такой же крепкий. Ох и удивился же я, когда он один, в две руки, установил КПП на место. Да еще и с первого раза. Ну и сразу напросился научить.

“Ох, долгое это дело, – вспоминал я слова Федора Ильича, – тут нужен острый глаз, сила, сноровка, а главное, выносливость!”

Вот и хотел я проверить свою силу и выносливость. Казалось, не верил до конца, что очутился в молодом теле и все хотел сам себя убедить тяжелой работой. А Федор Ильич меня, все же, научил. Хоть и не один год на то ушел.

– Не, Саня, не пьяный, – посмотрел я в светло-голубые глаза Плюхина, – и да. Хочу сам.

– Да не глупи-то! Спину попортишь!

– А че у вас там такое творится? – Послышались и другие голоса снаружи кабины.

– Домой не торопитесь?

– Санек, че ли заночевать решил в ГАЗу?

– Как Боевой? Тогда ему в Колхиду! Там сидушка удобней!

– Ага! И вентиляция что надо! Дует даже оттуда, где щелей нету!

– Не душно будет спать!

Грянул дружный мужской смех.

– Да не! Боевой сегодня ночует в конторе. Его завгар туда пустил!

– Да ну вас, – обиделся Саша, – я тут Игорька пытаюсь из кабины выковырнуть. А он ни в какую. Коробку на ночь глядя ставить собрался! Да еще один!

Саня выбрался из кабины и спрыгнул. Сел на Яву, скрестив руки. Тогда и я выглянул наружу, чтобы посмотреть, кто там собрался.

Несколько молодых мужчин с интересом наблюдали за происходящим. Кажется, их привлекли слова Саши о том, что я решил ставить КПП один. Так бы никто и не обратил внимания на шофера, суемящегося вокруг машины. Привычное это было зрелище. Ни то, что коробку в две руки устанавливать.

– Ну че вы Саньку обижают? – Ухмыльнулся я, – да, собираюсь. Не хочу дело бросать на полпути.

– Так мож тебе помочь? – Обеспокоенно посмотрел на меня высокий, но худой Шофер с чумазым от масла лицом, – как же ты один-то?

– Тут бывает вдвоем, втроем, – подхватил другой, толстый, но молодой мужичок с реденькими усами, – а ты один?

– А лучше брось это дело, – начал третий худой и низкорослый парень с плоским лицом и маленьким носом, – завтра домучишь.

– Не переживайте вы, – сказал я ровным тоном, – я недолго. Сейчас щелк! И КПП на месте.

Все, в том числе и Плюхин переглянулись.

– Да ну, че врешь-то? – Нахмурился толстяк, – кончай нас дурить. Или рисуешься, что новенький? Хочешь себя показать? Знай, выскочек у нас не любят.

– Давайте домой, мужики, – простодушно улыбнулся я, – нечего мне рисоваться. А до ночи я провожусь скорее, если с вами болтать буду, чем возиться с коробкой.

Все переглянулись еще раз.

– Ты не шутишь же ли? – Сказал шофер с плоским лицом, – правда, ставить один будешь?

– Не шучу.

– А можно посмотреть? – Подхватил толстяк.

– Только если молча, – хохотнул я.

– Мы все тут, – раскинул руки Саша Плюхин, – как могилы!

Не ответив, я пожал плечами. Не успел оглянуться, а к группе шоферов стянулись и другие. Среди них был даже завгар, да и механики тоже.

Я выбрался из кабины и снова залез под машину. Ловя на вечерний свет обзор, заглянул в отверстие, в которое предстояло вставить вал. Нужно было посмотреть, как застыли на месте прорези диска сцепления.

– Вроде правильно, – прошептал я, вращая вал, чтобы примерно подогнать борозды вала под зубцы сцепления. Когда закончил, вернулся в кабину.

Ну что ж. Как там учил Ильич? Рычаг держать под носом, и следить за левой верхней направляющей. Когда сравняется с петлей, то вставлять. Теперь только на выносливость надежда.

Я поудобнее расположился в пустой кабине и поплевал на грязные ладони. Растер. Мужики, что понаглее, запрыгнули на ступеньки, заглядывали в ветровое стекло.

– Ну, – недовольно сказал я, – воздуху дайте. Или вы решили всем гаражом в моей машине поместиться?

Всюду послышались хохотки, и часть людей поспрыгивали. Стали следить за происходящим снаружи.

Я взялся за рычаг крепче. Сжал пальцы так, что аж кожа побелела. Вставив спину на манер штангиста, стал давить в железный пол ногами изо всех сил. Почувствовал, как нагружаются руки, а коробка отрывается от земли.

Через небольшое отверстие в полу кабины коробку было очень тяжело позиционировать. Ее опущенный, неправильный центр тяжести усугублял задачу.

Я напрягся и подтянул железный короб выше. С трудом соотнес с направляющими.

– Ну что он там?

– Стоит!

– Да хватит уже, Игорь! Ты так не попадешь!

Все эти голоса понеслись снаружи. Однако, хотя я их и слышал, но совершенно никак не реагировал. Только искал подходящий момент и прислушивался к собственным рукам. Силы уходили, и я не мог тянуть время. Нужно было скорее вставить ведущий вал в двигатель. Причем так, чтобы его пазы ювелирно соотносились с вырезами в сердцевине диска сцепления.

– Да тихо вы все! – Закричал вдруг завгар, – не понимаете, что мешаетесь Игорю?!

Конечно, это, со стороны Федотыча было лишним, но я все равно мысленно поблагодарил его за внимательность.

Руки стремительно уставали, и коробка начинала дрожать в них. Пришлось торопиться. Иначе вот-вот рычаг начнет скользить во вспотевших ладонях, и ничего не получится. Если же я устану, то и правда не смогу поставить КПП сегодня.

Тогда дружеского подтрунивания от шоферов всего гаража не избежать. Ну ладно это. Мне станет стыдно перед самим собой. Это ж выходит, я сам на себя взвалили непосильную задачу и не справился? А как же мне тогда сохранить благополучие моей семьи раз уж я даже коробку поставить неспособен? Нет. Не бывать этому. Все у меня получится.

Стиснув зубы, я из последних сил повел плечами. Толкнул железный короб вправо, а вал – в объятия диска сцепления. Грюкнуло. Зашелестел металл. Окружающие шоферы ахнули.

Глава 5

– Ну чего там? Попал?

– А! Не знаю! Мне отсюда не видать!

Я знал, что попал. Ведущий вал вошел в диск сцепления. Большой железный короб КПП повис на валу, но направляющие не попали в петли. Вал взял на себя вес коробки, и в руках наступило облегчение. Главное – самое сложное позади.

– Попал!

– Да иди ты?!

– Да попал-попал!

Через щели в полке, между коробкой и дном я заметил копошащихся под машиной шоферов. Кто-то, самый нетерпеливый, прыгнул под днище, чтобы посмотреть на все своими глазами.

– Ты посмотри, че творит!

Снаружи зарокотали. Кто-то весело рассмеялся.

– Тут иной раз, сутки возисся! А он одним махом!

Дело осталось за малым. Напрячься, насадить коробку на направляющие, да прикрутить гайками к раме. Ну а потом подсоединить кардан и остальное, так, по мелочи.

Не успел я опустить рычага, как увидел зашарившие в щелях по коробке пальцы. Потом она, как бы сама собой приподнялась и встала на место, на направляющие. Это шоферы, что были, снизу решили подсобить.

– Игорь? Ключ на семнадцать есть? – Закричали снизу, – А! Так вот он!

Кто-то из удивленных шоферов принялся прикручивать последние гайки. Я выбрался из кабины. Меня тут же встретили удивленные и веселые лица мужиков. Я принялся благодарить тех, кто вылез из-под Газона.

– Ты где такому научился?

– А меня обучишь?

– Давай на бис! – Пошутил кто-то в толпе.

Улыбаясь толстыми губами, завгар скрестил на груди объемные руки. Ухмыльнувшись, крикнул прокуренным голосом:

– Ну, даешь! А я и не верил! Вот что советская армия с людьми делает!

Хмурый механик по ремонту Степаныч, следивший за всем от угла диспетчерской, понуро сплюнул. Висморкавшись в пальцы, вернулся в конторку.

– А что это у вас там происходит? – Даже полнощекая диспетчер Лидия Петровна выложила на подоконник открытого окна свои объемные груди, – что за митинг затеяли?

– Кому расскажешь, не поверят! – Хлопали меня по плечам шоферы.

– Ну парень! Ну талант! Это где ж ты научился?

– Да был один у меня наставник, – смущенно улынулся я.

В общем, остались шоферы под впечатлением. Еще некоторое время посудачили. Когда прохладный вечер стал медленно опускаться на округу, шоферы принялись расходиться и разъезжаться по домам.

Саня Плюхин, задержавшийся у машины, помог мне поставить на место кардан.

– Ну че? Попробуем? – Спросил он, когда я запрыгнул в кабину, – а то вдруг опять не поедет?

– Да куда она, родимая, денется, – сказал я, вставляя ключ в зажигание.

Двигатель был теплый, и проблем с запуском не должно было возникнуть. А вот с коробкой глянem, как пойдет. Во время сборки я залил в нее свежее масло, что взял у Степаныча. Опасаться нужно было только плохого качества деталей.

Потому я решил: услышу подозрительные звуки в КПП – тут же глушу. Не надо мне, чтобы снова что-нибудь в коробке разлетелось, и заклинило все намертво.

Я тронул теплый, шершавый в пальцах ключик зажигания и повернул его. Стартер торопливо закрутился, и двигатель завелся. Низко зарычал, когда я дал ему немного газа. Сняв с ручника, я выжал туговатую педаль сцепления и включил первую передачу. Педаль пошла шершаво, рывками. Возможно, было что-то неладное с вилкой сцепления. Ладно, глянем потом.

Когда я отпустил педаль и добавил еще газа, самосвал завыл на тон выше и сдвинулся с места. Разгоняя с пути зазевавшихся шоферов, я развернулся на широком дворе. Пошел к воротам.

– Ты куда, Игорь?! – Кричал мне вслед Саня Плюхин.

– Проверю, как передачи переключаются, – выглянул я из окна, – шумит ли коробка!

– Не поедешь со мной-то?

– Не!

Миновав ворота, я вырулил на широкую гравийку и дал газа. Выдавнив сцепление, перевел передачу в нейтральное положение. А потом надавил снова и вставил вторую. Машина пошла быстрее, когда я вернул сцепление на место и добавил газа.

Коробка работала складно. Подозрительных шумов я не слышал, хотя прислушивался чутко. Ловил каждый посторонний звук, которого не должно было быть в моей машине. Также гладко пошла и третья передача. Четвертую я включил, когда выехал на Ленина, на асфальт.

Белая стрелка спидометра побежала по пухлым делениям. Замерла на одном делении до восьмидесяти. В кабине зашумел ветер, почти заглушил рык двигателя. Мимо, оседлав Яву, промчался Санек. Весело махнув рукой, он на скорости погнал по пустой дороге в сторону центра.

Я выжал тяжелый тормоз, и ленивые барабаны принялись замедлять машину. Остановившись на пустом перекрестке, я включил заднюю. Начал медленно разворачиваться задом.

Коробка радовала. Лишних звуков я не уловил. Тихим ходом погнал машину обратно, на гараж. Когда вернулся, пришлось немного поискать пустое место на стоянке. Дошел я до самого края.

Сумерки загустели, и я двигался с включенными ближними огнями. На миг желтый свет согнал серость со свежего зеленого борта Белки. Интересная была машина. Внешне совершенно новая, но весь день ржавеет в гараже. Как-то не укладывалось у меня в голове это обстоятельство.

Когда я заглушил машину и выбрался из кабины, то с интересом приблизился к Белке. Обошел новенький самосвал кругом. Наверное, ездили на ней не более года или полутора, потому что на кузове еще не отразились следы тяжелой работы.

– Что ж с тобой не так? – Прошептал я себе под нос.

Я приблизился к синей голове Белки. Взобравшись на ступеньку, отворил дверь в кабину. Машина тут же встретила меня теплым светом плафона.

– Как новая, етить ее, – задумчиво сказал я. Даже аккумулятор живой. За машиной все же есть уход. Тогда еще страннее, что на ней не ездят.

В салоне все горело относительной новизной. По сравнению с другими машинами это виделось особенно ярко. Новое непотертое сиденье все еще не потеряло насыщенного коричневого цвета. Обивка салона не успела облезть. И даже линолеум, которым был укрыт пол, бликовал на свету, как новый.

Я сел за руль. Повертел насили тугое рулевое колесо. Новенькая панель уставилась на меня своими большими и маленькими глазками приборов.

– Да что ж с тобой не так-то? – Повторил я удивленно, – будь на улице посветлее, я и под капот бы заглянул. Может там какая причина вскрыется?

В кабине же было просто нормально. Обычный самосвал. Только совершенно не уставший от времени и работы. Решив выспросить при случае у завгара, что же тут такое, я выбрался из машины. Спрыгнул с подножки.

Последние машины возвращались в гараж. Шоферы все еще сустились тут и там. Многие группками уходили пешие домой.

Некоторые катили на колесах. Я видел, как из гаража уехали несколько мотоциклистов. Один даже взял пассажиров: одного на заднее седло, другого в люльку. Следом поехал белый четыреста двенадцатый Москвич, набитый веселыми мужиками.

Я же решил пойти пешком. Хоть до дома путь был неблизким, как-то хотелось мне пройти его своими ногами. Насладится темным и теплым станичным вечером. А сумерки к этому времени уже совсем загустели. На гараже, тут и там зажегся теплый ламповый свет. Перекикивались люди.

Оставив за спиной высокие ворота гаража, я пошел к дороге. Выйдя на Ленина, направился к центру станицы.

Тишина вокруг стояла невероятная. Как и темень. Где сейчас, в современном городе увидишь такую темноту?

– Раньше, – поправил я себя, – в моей прошлой жизни, в две тысячи двадцать третьем, где еще увидишь такую темноту?

Как ни странно, эта тьма показалась мне уютной.

Я шел по краю дороги, и редкие машины, блеснув фарами, проезжали мимо. Во дворах, тут и там горел тусклый свет. Мотыльки клубились вокруг дворовых лампочек, мерно горевших теплым светом. Стрекотали сверчки.

На лавочках, против комаров, стойко сидели старушки. Вот придорожная сотка зашуршала кукурузой. То прячутся в ней детки. Доигрывают свои прятки. Где-то вдали забрехал пес. Тут же нашел себе товарищей, что поддерживали его звонкий лай. Спокойно шептали черно-зелеными листьями вездесущие орехи. Пахло жарким асфальтом, что весь день копил свое тепло, а сейчас отдавал его сумеркам.

Я шел и просто наслаждался этим временем. Простой деревенской жизнью. Прохладным деревенским воздухом. Тихим деревенским ветром.

Шел я не торопясь. И пусть я очень хотел увидеть свою семью: молодых отца и мать, знакомых соседей, живую Свету, я знал, что они от меня никуда не убегут. Чувство совершенного спокойствия поселилось в душе. Не нужно никуда торопиться. Никуда бежать. Завтра все тоже будет. Просто будет. Ощущение уверенности в завтрашнем дне – одно из главных чувств, что я потерял за эти годы. И был счастлив, что сейчас, в эту самую минуту, оно вернулось.

Очередная машина зазвучала позади. Зашуршала шинами по гладкому асфальту. Я обернулся. Эта шла тише, не промчалась мимо, как другие. А потом, возле меня остановилась желтая копейка.

– Игорь? – крикнули из салона.

Я пригнулся, заглянул внутрь.

– А ты че пеший? – Удивленно спросил меня завгар Федотыч.

– Да так. Пройтись захотел.

– В буфет опоздаешь, – хмыкнул он, – там, поди, уже бочки с пивом откупоривают. Никита Олегович уже там как там. Он же чуть ли ни главный откупорщик на гараже. Открывает так, что и капли не прольет.

– Да не, – ответил я с улыбкой, – не пойду я сегодня в пивнуху.

– Не пойдешь? А чего такое? – Нахмурился завгар, – мож плохо тебе? Голова-то, после солнечного удара не шалит? Давай-ка, молодой, – он потянулся к двери и дернул кнопочку, отпирая пассажирское место, – доброшу тебя до дому. Бо упадешь где-нить по дороге со своей головой, а мне потом с матерью твоей объясняться.

Велико было мое желание отказаться. Хотелось добраться до дома пешком, своими ногами. Послушать еще, как дышит в сумерках вечерняя станица. Но другое желание все же взяло надо мною верх – любопытство. Больно сильно хотел я знать, что же случилось с Белкой.

– Хорошо, дядь Миш, спасибо!

Я сел в Жигули, звонко хлопнул дверью. Двигатель легковушки работал мягко после тяжелого баса самосвала. Завгар включил передачу, схватился за узкое кольцо руля обеими руками. Полноватый мужчина смешно задрал подбородок, всматриваясь в пожелтевшую под фарами дорогу. Дал газу. Машина покатила. По горящему подсветкой прямоугольному спидометру побежала красная стрелка.

– Лихо это ты, – не отрываясь от дороги, проговорил завгар, – коробку да в один мах на место вернул. Признаться, первый раз вижу такое. Хотя слышал, что так можно. Было дело. Говорят, мужик какой-то, из Бесскорбной, из тамошнего колхоза, умеет так же. Не знаком?

– Не знаком, – улыбнулся.

– Эх. Ну да ладно. В армии научился?

– Знакомый один научил, – уклончиво сказал я.

– Надо ж как бывает, – надул полные щеки завгар.

– Слушай, дядь Миш, – начал я, вглядываясь в то, как дорога бежит под днище машины, – а что не так с Белкой-то?

– С какой белкой? – Не понял он, а может, сделал вид, что не понял.

– Ну как с какой? С машиной. ГАЗ пятьдесят третий. Стоит на отшибе как прокаженный. Сломанный что ли?

– А... Белка... – Завгар поджал губы, – да нет. На ходу Белка.

– А что ж в колхозе не работает? В рейсы не ходит?

– Ну вот когда, – хмыкнул он, – без шофера научится ходить, так и начнет.

– Ну эт еще лет сорок – сорок пять, – пошутил я, намекая на беспилотные машины, что появились в две тысячи двадцатых годах.

– Чего? – Теперь точно не понял Федотыч.

– Да так, ничего. Шучу. А почему у неё шофера-то нету?

– Да потому что никого в Белку и клещами не затащишь, – демонстрируя досаду, завгар сплюнул, но сухо, без слюны. – Я уже с этой Белкой год воюю. Уж весь район о ней знает. Председатель колхоза, вон, досадует, что машина стоит без дела. В партийной ячейке вообще за голову хватаются, мол, как так, прогрессивная у нас, значить, страна, а колхозники суеверничают. В сказки верят. Да вот поделывать никто ничего не может.

– В какие еще сказки? – Нахмурился я.

– Ты, Игорь, – шмурыгнул завгар носом, – что-то память сильно подрастерял. Все ж сходи в поликлинику. Пусть тебя посмотрят.

– Да ну, – отмахнулся я, – говорю ж, все хорошо. Ты, лучше про Белку мне расскажи.

– В общем, – сглотнул он, – попала к нам Белка полтора года тому. Машина была новая, только с конвейера. А новые машины, понятное дело, абы кому не дашь. Их либо молодым, комсомольцам, кто пошустрее распределяют, либо старым опытным шоферам. Таким, кто и руля вдоволь накрутились, и дороги колесом туда-сюда как надо потоптали.

– И кому ж досталась Белка? – С интересом спросил я.

– Павлу Иванычу Давыдову. У меня в то время, – завгар выпятил пухлую грудь, – вся молодежь при новых машинах ходила. А Павел Иваныч был опытный шофёр. Всю жизнь проработал в Ленинградской области егерем. А десять лет тому, взял семью, сыновей, да к нам, на Кубань. Ну и поступил в гараж на службу. Ему решено было машину передать. И так она Паше понравилась, что он ее Белкой прозвал.

– Почему же Белкой? – Я улыбнулся.

– Говорил, мол, самосвал, пятьдесят тройка, на четыре с половиной тонны, а юркая, как белочка. Все казалось ему, что рулится она лучше других машин. Он на ней везде: и в рейс, и на току со склада на зав. Свиной по льду в город возил на позапрошлый Новый год. А осенью расстался с Белкой, – грустно вздохнул Федотыч.

– Расстался? Как это, расстался?

– Отправил его колхоз в Краснодар за стройматериалом. Да только не доехал Паша Давыдов. Ну и не вернулся. Тогда позвонили к нам в колхоз из милиции. Мол, ваша машина? Номер такой-то-такой-то. Стоит на обочине под Усть-Лабинском. А в кабине мертвый человек. И как выяснили потом, Паше плохо стало по пути. Он из последних сил на обочину свернул, да и умер.

– Печальная история, – серьезно покивал я.

– Ага. А машину мы притянули обратно в гараж. Выписали новому шоферу. Был им Серега Островнов. Старый казак. Отец его пацаном еще в гражданскую корниловцев на Дону пашкой рубал. Ну и что ты думаешь? Водил он Белку до первой уборки. А как летом страда наступила, так все. Плохо ему стало, прямо под комбайном, когда он ячмень с бункеру принимал. До вечера не дожил. Сердце. И пришлось Белке искать нового водителя.

– Неужели ж, – сказал я недоверчиво, – начали думать, что машина какая-то... проклятая?

– После смерти Островнова уже поговаривать стали, что Белка, мол, нечистая. Что губит всякого, кто за её руль сядет. Но еще так. Будто бы не всерьез. А потом передали ее Андрею Фадину. Опытный шофер. Крепкий мужик. Фронтовик. Ему в войну легкое прострелили, а Андрею хоть бы хны. Мужикам, что помоложе, еще фору давал. Ну и за ним, – совсем как-то потемнел завгар, – костлявая на работу зашла. На мехтоку он работал. Зерно на ток загружал. А потом с тока на склад. Вот со склада его на скорой и забрали. И тоже, – вздохнул Федотыч, – не очухался. И вот тогда все.

– Это просто совпадения, – отрезал я, – шоферы были все возрастными. Работа тяжелая, в сложных условиях. Вот и не выдерживали. Нету тут ничего сверхъестественного.

– Дак об этом тоже говорили! – В первый раз за весь разговор Федотыч оторвался от дороги, и его глаза блеснули в свете фар, отраженном от ветрового стекла, – а шоферы всё. Уперлись. Не сядем, мол, за руль порченной. Белка смерть всем сулит. Заговорили, что была у Белки с Давыдовым особая связь. Что машина никого, кроме Паши за рулем не терпит. Ну так, конечно, не все говорят. А те, кто повпечатлительней. Большинство спросишь: веришь в эту чушь? Они, мол: не верю! А че ж за руль не садишься?! А, вот, мол, не сяду, и все тут!

– Да уж, – Вздохнул я, – нет, ну я понимаю, что деревня. Люди у нас простые, неученые. Но куда партия смотрит? Почему работу с шоферами не проводили? Не объясняли, что все это пустые суеверия?

– Это как же не проводили? Проводили. Еще как проводили. Вася Ломов, комсомолец, ударник наш, так и вообще, вызвался сам водить Белку, когда другие ее как огня чураться стали. Думал собственным примером показать, что глупости все это. И Белка – машина простая, а не черт какой. Ну и что ты думаешь? Покатался месяц и пришел в колхозную контору, от машины отказываться.

– Отказываться? – Не понял я, – комсомолец? Это что ж такое произошло то, что комсомолец в суеверия поверил?

Глава 6

– Да он не поверил, – вздохнул завгар, – там в другом оказалось дело.

– И в чем же?

Федотыч помолчал пару мгновений, потом все же разлепил пухлые губы:

– Понимаешь, какое дело? В общем, стали к Ваське шоферы относиться с подозрением. Раз уж он на испорченном самосвале ездит, стало быть, и сам может неудачу навлечь. А шофер, он иной раз, что твой космонавт. На дальний рейс через плечо не поплевав, не выйдет. Ну и стали Васю сторониться.

– У Васи испортились отношения с коллективом? – Уточнил я.

– Не то, чтобы испортились, – поживал завгар губами задумчиво, – скорее, стали его тихонько сторониться. Лишний раз не заговаривают, сигаретку не попросят. Стал он навроде одиночки в гараже. Ходит все один да один.

– Чудно, – пождал я губы недовольно, – взрослые мужики, а как дети себя ведут.

– Ну так, – пожал плечами завгар, – народ простой, бесхитростный. Ну Вася не унывал. Казалось, только решительней изо дня в день становился. Ходит, брови к носу, сердитый. Но дело делает. Разговаривали мы с ним не раз на эту тему, – нахмурился завгар, – Вася считал, что поедит на Белке подольше. Все увидют, что нету в ней никакой опасности, ну и забудут потихоньку про это проклятье выдуманное. В этом я с ним согласился.

– Но, кажется, – глядя не на Федотыча, а на мельтешащую дорогу сказал я, – не получился его план.

– Не получился. Потому как возникла проблема там, где ее не ждали. Невеста Васькина взбеленилась.

Я сдержанно рассмеялся, понимая, к чему клонит завгар. Ох уж эти женщины с их трепетным, беспокойным сердцем! Ну и как же мужику, тем более молодому парню, спастись от женского беспокойства? Это сначала кажется, что пустяк. А когда прикипел к бабе душой, тут уж как ее слезы во внимание не принять?

– Закатила невеста Ваське скандал? – Спросил я, в общем-то, зная ответ.

– Ага. Етить ее... Девка суеверная. Дуреха! Сбила мужика с панталыку! – Зло расбухтелся Федотыч, – сказала, мол, бросай свою Белку! Бо замуж за тебя не пойду! Не хочу в первый год вдовая остаться!

Я снова засмеялся. Молодая кровь кипит, играет. Никуда от нее не деться. Тем более, молодому парняге-комсомольцу.

– Вот и доконала баба Василия. Вынудила написать в колхозе заявление, чтобы машину ему переменили.

– И ему переменили, – покивал я тихонько.

– Переменили. Скандал был в партийной ячейке. Отчитали Ваську страшно. Грозились из комсомолу попереть. Мол, что за дела? Комсомолец, а пасует перед суевериями! Но потом уж устаканилось.

– И хорошо, – сказал я.

Машина замедлила бег и тихо покатилась до перекрестка. Замигал желтый сигнал-поворотник. Я помнил этот перекресток. Тут, с улицы Ленина, нужно было свернуть на Карла Маркса. С нее на Кропоткина. А там уж и дом наш, Землицынский, стоит.

Как-то захватило у меня на миг дыхание. Я даже этому удивился. Почувствовал, что волнуясь перед встречей с родными, для которых, впрочем, эта встреча – обыденность. Обыденностью она должна быть и для меня. Однако, молодое, играющее гормонами тело пыталось взять верх над холодным моим умом. Только я не дал ему этого сделать, быстро взял себя в руки.

Хотел я, было, попросить завгара остановить машину здесь, на перекрестке, но передумал. Решил довести разговор про Белку до конца. Возникла у меня одна интересная идея.

– И стоит Белка бесхозная уже третий месяц. Я, конечно, присматриваю за ней, – продолжал Михаил Федотович, – держу на ходу. Думал, будут просить с нее запчастей, а нет. Бояться, видать.

– Бояться, – кивнул я, – что проклятье, – я хохотнул, – перекинется на их машины.

– Ага. Взрослые мужики, – сухо плюнул он, – а как дети! Ей-бо! Я уж и закрашивал кузов еёшний. Думал, как слово “Белка” пропадет, так и забудут все про машину.

– Не помогло, – констатировал я.

– Закрасил, – кивнул завгар, – а толку-то? Ничего не помогло. На Белке, мелом, кто-то стал крестики ставить. Я устал смывать. А их ставят да ставят. Помечают, значить, порченную машину. А кто это делает – не признаются.

– Ну название на месте, – пожал я плечами.

– На месте, – закивал Федотыч, – Васька обратно его накрасил. Сказал, что надобно так оставить. Считал, что все видеть должны, что он на Белке ездит, и только тогда он докажет, что машина это – самая обыкновенная. Ну вот, накрасил, а потом все. Через неделю отказался от самосвала. Вот так она теперь там и стоит.

Немного помолчали.

– А сам-то ты, – спросил я, когда мы свернули на Кропоткина, – не боишься Белки?

– Я... – растерялся завгар, – я... не боюсь. А чего мне ее бояться? Я ж не пацан дворовый, чтоб в сказки верить. Не боюсь... – добавил он как-то неуверенно.

– Хорошо, – улыбнулся я. – Слушай, есть у меня идея.

– Какая ж? – Завгар удивленно поднял пушистые брови. Покосился на меня черным глазом.

– Выпиши Белку мне. А я уж остальным шоферам ум вправлю. Увидят, что нет в ней никакой опасности.

Завгар нахмурился. Поерзал на руле узловатыми пальцами.

– Хороший ты парень, Игорь. Говоришь со знанием дела. Не так, как Васька Ломов. Тот горел. Всем вокруг хотел доказать что-то. А ты не так говоришь. Иначе. Будто факт утверждаешь.

– Ну? Ты согласен? – Я посмотрел на Федотыча с легкой улыбкой.

– А надо ль тебе это? – Как-то смутился завгар, – ты парень молодой. Только недавно в бригаде. Тебе б работать спокойно. А тут видишь, как будет: шоферы начнут сторониться. Станут смотреть с подозрением. Тяжело это одному-то. Я видел, как Ваське тяжело было. Короче, не нужно тебе это. Если ты решил так машину поновее получить, то не стоит оно того.

– Дядь Миш, – добродушно вздохнул я, – твое дело согласиться. Добро дать. А все остальное я уж сам устрою. У меня будет шустрая Белка, у тебя не будет машины в простое, а шоферы в себя придут. Увидят, что Белка – газон, да и только.

– Ну, – с сомнением произнес завгар, – это не только мое решение должно быть. Тут и в контору надо. Чтоб подготовили приказ.

– Ты сам говоришь, – сказал я, – что правление Белка, стоящая без дела, не устраивает. Так что они быстро согласятся.

– И то верно.

Завгар нахмурился. Его черные в темноте салона глазки потемнели еще сильнее. Над ними нависли нахмуренные брови.

– Ладно, – сказал, наконец, Федотыч, – завтра, как будет время, поеду в контору. Доложу, что нашелся шофер для Белки. Но только бумажная работа времени потребует. Так что ты, пока приказ не получим, ездь на своем старом, пятьдесят втором.

– Договорились, – улыбнулся я.

- Завтра получишь путевой на мехток. А к уборке уже за руль Белки сядешь.
- Может, и раньше, – сказал я, глядя, как мы подъезжаем к моему двору.
- Может, и раньше, – согласился завгар.

Когда копейка тормознула у зеленых, сделанных из узкой доски ворот моего дома, мы с Михаилом Федоровичем распрощались. Звонко щелкнув дверью его машины, я выбрался наружу. Посмотрел на родительский двор.

Станица Красная. Вечер того же дня.
Двор Ваньки Кашевого

– Больно ты, Ваня, добрый стал, – Серый посмотрел на Ваньку Игнатова по прозвищу Кашевой свысока, – я тебе что говорил делать? Или ты всю жизнь хочешь кашу свиньям возить? Что б тебя поэтому и дальше Кашевым прозывали?

– Нет, Паша, – поджав пухлые губы, Кашевой принялся разглядывать собственную обувь.

Пашка Серый отвел его на разговор, когда в восьмом часу вечера вернулся с работы. Кашевой к этому времени был уже дома, управлял скудную свою худобу, помогая матери.

Пашка Серый зашел к ним на баз, как к себе домой. Попросил Кашевого на разговор. Мать Ваньки – полная колхозница встретила Серого с улыбкой. В семье Кашевого Пашка Серый, их свояк, был на хорошем счету. Все его считали умным, толковым и добродушным парнем. А вот Кашевой знал, что был Пашка совсем не таков.

Когда они вдвоем зашли за угол и пошли по улице туда, где начинался “низ” станицы, Серый сначала протянул Кашевому сигарету с фильтром, спросил:

- Закуришь?
- Да не Паш, – отказался вежливо Кашевой, – не хочется что-то.

Кашевому хотелось. Очень хотелось, потому что Пашку он боялся, и нервы ходили ходуном. Но, в то же время, он знал, что за сигаретку потом придется расплачиваться. Не знал только, каким образом.

Когда они отошли подальше, Серый, убедившись, что на заросшей, малонаселенной улице нет лишних ушей, повел тот самый разговор:

– Больно ты, Ваня, добрый стал...

Дело, естественно, касалось того, что Кашевой взял на буксир Игоря Землицына.

– Ты думаешь, – надувал ноздри тонкого носа Серый, – это тебе все по доброте душевной? Пользуется он тобой! Посмотри на него! Молодой, только неделя в гараже, а уже че вытворил? Че учудил? А теперь еще и рисуется! Перед шоферами красуется! Слышал, че говорили? Что ставит Землицын на газон коробку в две руки! – Серый сплюнул, – это он землю, Ваня, роет, а нам – яму! Хочет с гаража повыше прыгнуть! Сегодня он видный парень на гараже, завтра комсомолец, а потом кто? Потом его уже направляют в политех армавирский учиться! А знаешь, что потом?

– Что? – сглотнул Кашевой испуганно.

– А потом, не успеешь оглянуться, как Землицын нам с тобой пальчиком указывает, а мы батрачим! Хочешь такой судьбины? Или...

В серо-темных сумерках предостерегающе запел сверчок. Засвистели сычи. Кашевой незаметно втянул короткую шею в плечи

– ... Или сам ты хочешь указывать пальчиком? – Строго спросил Серый, – ммм?

– Конечно, Паша. Конечно, сам хочу!

– Тогда держись меня! А с этим, с Землицыным, не разговаривай больше! Ты пойми, что все вокруг только кажутся такими добренькими. А на самом деле, так и ждут, как бы тебя скинуть, да по голове твоей наверх!

– Угу, – растерянно поддакнул Кашевой.

– Вот и хорошо, – Серый окинул Кашевого взглядом жестких серых глаз, – надеюсь, понял умом. Будешь меня держаться – вместе поднимемся по карьере. А если не поймешь умом...

Он подставил Кашевому под нос тонкокостный, но сбитый кулак. Кашевой задрожал.

– Тогда уж дойдет по-другому. А если и так, не дойдет, – он снова сплюнул, – то через сестру. У меня дома все, и мать, и брат по струнке ходят. И сестра твоя ходить будет. Понятно?

– Понятно, Паша.

Кашевой, не в силах больше смотреть на страшное лицо Серого, опустил глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.